

Екатерина
НЕВОЛИНА

Большая КНИГА приключений

ДОРОГИ КОЛДОВСТВА

Наследница
тьмы

Город
оживших снов

Дочь
крестоносца

Екатерина Александровна Неволина Дороги колдовства (сборник)

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6447899

Екатерина Неволина. Дороги колдовства: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-67319-3

Аннотация

«Наследница тьмы»

Мы с родителями уже устали колесить по Черноморскому побережью, когда нашли этот милый город. Чистые пляжи, приветливые жители и удивительно мало туристов. Просто идеальное место для отдыха! Только... мне здесь почему-то тревожно. Все время чувствую на себе чей-то взгляд. И, кажется, люди вокруг – совсем не те, кем хотят выглядеть. Неужели приезд в это райское место был ошибкой?!

«Город оживших снов»

Марина не ждала чуда, она и сама не знала, зачем согласилась на поездку. Наташка с Юркой будут ходить по новогодней Риге обнявшись, а она окажется третьей лишней. Ненужной. Никому не интересной. Но все получилось иначе. Впервые попав в сказочный, словно сошедший со страниц старинной книги город, девушка почувствовала, что является здесь не просто гостьей. Кажется, она уже видела этот величественный собор, эти старые

дома, эти узкие средневековые улочки... Кажется, город хранит тайну, разгадка которой очень важна для Марины!

«Дочь крестоносца»

Маша сразу выделила этого человека из толпы, хотя на первый взгляд в нем не было ничего необычного. Не очень молодой, не особенно красивый, он казался странным и даже страшным. Когда незнакомец поймал ее взгляд, Маша словно упала в бездонную пропасть... И пришла в себя в непонятном месте, совсем непохожем на больницу. У кровати сидела девушка в странной одежде, которая явно принимала Машу за кого-то другого. Теперь девочка должна выяснить, где очутилась и что происходит...

Содержание

Наследница тьмы	5
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	34
Глава 4	44
Глава 5	59
Глава 6	70
Глава 7	92
Глава 8	104
Город оживших снов	111
Глава 1	111
Глава 2	118
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Екатерина Неволина

Дороги колдовства

(сборник)

Наследница тьмы

Глава 1

Дорога без конца

По стенам старого дома змеились глубокие трещины, крыльцо давным-давно поросло высокой травой, от выщербленной двери веяло могильным холодом, а бурая облупившаяся краска на ней казалась пятнами засохшей крови.

– Ну вот мы и приехали, – сказала мама, улыбаясь. – Здесь и остановимся.

Папа, хлопнув дверцей машины, вышел на улицу и с удивлением оглядел серый замшелый дом.

– Ты уверена, дорогая? – спросил он скорее для порядка. В конечном счете он всегда соглашался с мамой, хотя временами они спорили.

Я, наблюдавшая за ними с заднего сиденья машины, вся

сжалась от страха. Если не каждому, то уж мне безусловно было ясно, что входить внутрь этого дома нельзя. Нельзя – и точка. А лучше вообще держаться от него подальше. Как можно дальше – километров, скажем, за тысячу.

Ну чем маме не понравился тот милый курортный поселок, который мы проезжали часа полтора тому назад?.. Ну, подумаешь, грязновато. Подумаешь, куры и утки. У нас в деревне их тоже полным-полно. Однако мама нахмурилась и сказала: «Ни за что». Именно так и сказала – протяжно и очень весомо. Папа даже возражать не стал. Когда мама говорит таким тоном, это совершенно бесполезно. Ну мы и приехали...

Девяносто процентов моих любимых фильмов ужасов именно так и начинаются – с того, как какие-нибудь не слишком умные люди лезут туда, куда соваться вовсе не следует. Но разве маме объяснишь? Нет, она опять скажет, чтобы я меньше всякую ерунду смотрела, а больше занималась, например, алгеброй. Для нее трояк по этой самой алгебре, неожиданно вылезший у меня за год, – вот настоящий ужас. Стивену Кингу и не снилось.

– Хозяева! Кто-нибудь есть? – крикнула мама, изо всех сил стуча в массивную дверь.

Дверь скрипнула – так, словно бы застонала, – и открылась!

А там... там...

От ужаса я даже проснулась. Адски болела шея. Нет, все-таки заднее сиденье машины не лучшим образом приспособлено для хорошего, здорового сна.

– Ну чего, соня, с добрым утром? – окликнула меня мама, оглянувшись на мой горестный стон.

Папа, не отвлекаясь от дороги, подмигнул мне в зеркале.

– Ага, поспишь тут, – буркнула я, пытаюсь устроиться поудобнее.

Ехали мы на вожаденный юг уже немногим более суток. Разумеется, прекрасная идея – сразу же по окончании учебного года всем втроем отправиться на машине отдохнуть в какое-нибудь райское местечко, где не будет туристов (разумеется, кроме нас), и вволю насладиться морем, солнцем и красотой горного края.

К морю я пока не попала. От солнца, безжалостно палящего, усиленного, словно линзой, стеклом машины, давно уже хотелось забиться куда-нибудь под сиденье. А красоты горного края были представлены исключительно великолепной горной дорогой: с одной стороны гора, с другой, разумеется, бездонная пропасть. И не забудьте еще бесконечные повороты, от которых тебя швыряет по всему сиденью – из одного угла машины в другой. Влево-вправо, вправо-влево. Не правда ли, очень романтично! От этой карусели у меня кружилась голова, а желудок неприятно дергался.

Я снова вспомнила тот милый поселок. Хорошее было место. А мама уперлась.

До этого селения было еще штуки три – ничуть не хуже, но и они не вызвали у нее доверия. Здесь грязно, там многолюдно – и вот результат: мы бесконечно катаемся по этой дурацкой дороге. И не мудрено, что всякие кошмары снятся.

А вдруг дорога вообще не кончится? Так и будем ехать целую вечность: вправо-влево, вниз-наверх по огромному-огромному кольцу. Вдруг мир уже исчез, остались только дорога и едущая по ней одинокая синяя машина? Представьте: в целом мире – только мы трое?..

В салоне играло радио. Родители молчали. Похоже, мама уже понимала, что была ммм... не совсем права, но отказывалась признавать из чистого упрямства. А, заметим, еще потом спрашивает, и в кого это я такая пошла?.. По-моему, ответ очевиден.

Кстати, а когда нам в последний раз попадались навстречу машины?

Я посмотрела на пустую дорогу. Приехали! Ну здравствуй, Стивен Кинг!..

Думать обо всем этом – значит опять, как любит говорить мама, загонять себя в дебри воображения. Уж лучше заняться чем-нибудь и перестать пялиться в окно, словно трусливая дура.

С этой мыслью я извлекла из сумки книгу ужастиков Стайна и открыла ее там, где между страниц была вложена открытка – подмигивающее и улыбающееся сердечко, похожее на смешную рожицу с красными пухлыми щечками. Гля-

дя на него, я тоже невольно улыбнулась, а потом вздохнула. На это у меня были весомые причины. Открытку мне подарил Вадим. Пытаться описать Вадима – все равно что описывать солнце. Он – самый лучший мальчик в нашей школе, а вполне может быть, что не только в ней. Вообще-то Вадим Краснов учился на класс старше, и мы, восьмиклашки, смотрели на него снизу вверх. Девчонки перешептывались и вздыхали, разумеется, без всякой надежды на взаимность. И кто бы мог подумать, что он обратит внимание на меня?! На День святого Валентина Вадим прислал мне по школьной почте вот эту открытку и пригласил в кино. Это был незабываемый, волшебный день. В темноте кинотеатра он держал меня за руку и кормил попкорном из своего ведерка... Это было так романтично!

А потом... потом сказка закончилась. Вадим стал отворачиваться от меня, когда мы встречались в школьных коридорах, и проходил мимо, будто мы и вовсе не знакомы. Думаю, кто-то из девчонок наговорил ему про меня гадостей. Однако я все равно не теряю надежды, что мы еще будем дружить, назло всем завистницам. В залог прекрасного будущего у меня осталась улыбающаяся открытка.

Когда я подняла взгляд и посмотрела в окно, то увидела, что мы въехали в какой-то небольшой городок, производящий неожиданно приятное впечатление. Ровные улочки с чистенькими домами. У каждого – нарядная кирпичная крыша и палисадник с цветами и фруктовыми деревьями. Что

ни говори, радостная картина после долгого и трудного пути. Даже воздух казался чистым и приятным, а солнце палило не так безжалостно.

Этот городок словно возник из мечты моей мамы – невесты чистюли и аккуратистки. Чем дольше я смотрела на него, тем яснее понимала: ничего лучше мы просто не найдем! А когда дорога привела к пустынному пляжу, засыпанному бледно-золотым, как старое золото, чистейшим песком, ощущение переросло в уверенность.

Представьте себе курорт без отдыхающих, мусора, яркого мельтешения, шашлычных и громкой навязчивой музыки – именно такой и был у меня перед глазами! Если есть на земле райское местечко, оно точно здесь. Теперь неудивительно, что путь оказался тяжелым: чтобы попасть в рай, нужно пройти серьезные испытания.

Пока мы с папой разинув рты смотрели на чистые улочки и аккуратно подстриженные газоны, мама уже сделала стойку, словно натасканная охотничья собака.

– Какой милый городок! – воскликнула она заметно повеселевшим голосом. – Давайте здесь и остановимся!.. Если только найдутся свободные места... – добавила она тоном пониже.

– Отличная идея, дорогая, – обрадовался папа. По-моему, он готов остановиться в любом захолустье, а живописные горные дороги нравились ему немногим больше, чем мне.

Мы затормозили у опрятного домика. В саду росли виш-

невые деревья. Папа с мамой вышли из машины. Я смотрела на них с заднего сиденья, вспоминая сегодняшний сон. Но нет, ничего похожего, даже наоборот. Глядя на огромные глянцевые вишни, темно-пурпурные, отражающие солнечные лучи, я невольно сглотнула: вот бы попробовать хоть одну! Нет, лучше поедать горстями – так, чтобы густой сладкий сок стекал прямо по подбородку. Мама бы, конечно, упала от этого в обморок, но зато вкуснотища непередаваемая!..

– Хозяева! Кто-нибудь есть? – крикнула мама, и я вздрогнула: точь-в-точь как в моем сне!

Тщательно выкрашенная веселой голубой краской дверь открылась, и на пороге появилась... полная добродушная женщина.

Я вздохнула, сама не понимая, от облегчения или от разочарования. Тетенька имела не больше отношения к таинственным мистическим силам, чем, скажем, дежурящая в нашем подъезде консьержка.

– Добрый день! – женщина смотрела дружелюбно.

Когда она подошла к воротам, поближе к нам, я заметила, что на ней фартук, а руки испачканы чем-то белым. Наверняка мукой. Вот сейчас она уже замесила тесто для пышных сладких пирогов...

– Мы – отдыхающие, – мама показала на папу и на нашу машину, – нам очень понравился ваш город, мы хотели бы здесь остановиться. Если можно, – она улыбнулась немного смущенно и с надеждой посмотрела на полную тетеньку. На

ее фоне она казалась тростинкой. Кстати, мама у меня молодая и вполне симпатичная.

– Конечно-конечно! – разулыбалась тетенька. – И вправду, у нас тут тишь да гладь, да божья благодать. Только вот, сами понимаете, городок маленький, тихий, развлечений немного. Только море, солнце и горы.

– Как раз то, что надо! – кивнула мама.

– А рыба есть? – поинтересовался папа. Он заядлый рыбак.

– Рыбы здесь целое море! – развела руками тетенька, будто щедро предоставляя всю окрестную рыбу в полное папино распоряжение. – Мы, видите ли, живем в стороне от основных туристических путей, немногие отдыхающие сюда добираются. Так что всего в изобилии. И моря, и рыбы, и фруктов... Ой, чего же мы стоим! – спохватилась она, всплеснув руками. – Скажете ведь: ну совсем дикие люди. Пойдемте в дом! Я как раз пироги в печку поставила. С капустой, грибами и с вишней.

Я опять сглотнула.

С самого утра во рту у меня побывал только батончик «Сникерса», так что ароматные пироги с вишней, возникшие в моем воображении, ослепили и оглушили меня. Замечтавшись, я не слышала, о чем мама разговаривает с хозяйкой домика.

– Эй, выходи! Что ты там застряла? – мама помахала мне рукой, и я, вздохнув, вылезла наружу.

От густого запаха солнца и переспелой вишни закружилась голова, и я блаженно улыбнулась: как же хорошо, что мы все-таки куда-то приехали!

– Вот и наша Ирочка! – представила меня мама.

– Какая у вас большая дочка! – всплеснула рыхлыми сдобными руками тетечка, явно давая маме понять, как молодота выглядит.

Мама польщенно улыбнулась, и они с папой, тем временем поставившим машину на сигнализацию, дружно двинулись по аккуратно посыпанной бледно-золотым песочком дорожке к хорошенькому домику, казалось, перекочевавшему сюда из сказки то ли про Белоснежку, то ли про Ганселя и Гретель¹.

А я замешкалась, ясно почувствовав, что на меня кто-то смотрит. Вот именно: почувствовала. Взгляд острый, точно бритва. Я даже прикоснулась к щеке, будто проверяя, нет ли на ней пореза, и лишь потом обернулась.

Это был мальчишка примерно моего возраста. Очень загорелый, со взлохмаченными светлыми волосами, цвета песка на пляже. Одет он был в кошмарные ярко-синие джинсы, наверное, принадлежащие к прошлому веку и уже ставшие исторической реликвией, и дурацкую светло-зеленую майку. Рядом с ним сидела, вывалив набок язык, огромная белая собака. Такая махина весит небось раза в два больше меня. Серьезный аргумент для того, чтобы держаться от обоих по-

¹ Гансель и Гретель – персонажи сказки братьев Гримм «Пряничный домик».

дальше.

Незнакомец смотрел на меня с явной неприязнью и осуждением.

Я поджала губы и тоже уставилась на него: нечего пасовать перед мальчишками. А с такой псиной на поводке каждый почувствует себя хозяином положения. Тоже мне король джунглей!

– Ира, ну где ты там?! Ты сегодня прям спящая королева! – мама пыталась шутить, но я, прекрасно зная ее, понимала: она начинает сердиться.

Пока я отвлеклась на нее, противный мальчишка куда-то смылся, и я, пожав плечами, тоже пошла к дому.

Глава 2

Вишневый лес

Тетечку, которая позвала нас в гости, звали Нинель Ивановна. Нинель – это грузинское имя, а отчество – совершенно русское. Здесь, в горах Кавказа, смешалось множество народов и национальностей. Из истории я смутно помнила, что были даже древние греки, а возможно, и римляне. Но, понятно, важно вовсе не это, а то, что пирожки, которые печет Нинель Ивановна, оказались действительно необыкновенно вкусными. Я съела, наверное, штук восемь, а может, даже десять, под поощряющие комментарии радушной хозяйки – мол, кушай, деточка, тебе поправляться надо. Я и кушала.

Папа даже подмигнул мне: желудок у котенка не больше наперстка, но жрет он... А что, у меня, может, всё еще в рост идет. Поэтому я высокая и... нет, вовсе не тощая. Слово «стройная» нравится гораздо больше.

После еды нас окончательно разморило и потянуло в сон. К этому времени мама знала о местечке, в которое мы так неожиданно попали, если не всё, то почти всё. Назывался городок странно – Луноморск. Необычное такое название. По словам хозяйки, жителей здесь немного, зато все друг друга знали и прекрасно между собой ладили. «Тишь, гладь да божья благодать», – любила повторять Нинель Ивановна. По крайней мере, я слышала от нее эту фразу раз пять. Места

эти обладали богатой историей. Когда-то здесь была какая-то греческая колония, сюда же, но уже значительно позже, приезжали преследуемые церковью старообрядцы и политические ссыльные. Я подумала, что, может, где-то здесь бывал Лермонтов. Стоял на вершине горы в косматой черной бурке – и сочинял, скажем, «Мцыри». Почему бы нет?.. А еще хозяйка сказала, что в горах есть дольмены – сооружения, где древние хоронили своих мертвых. Мистическое место, и я решила, что обязательно доберусь до него!

В общем, то, что мы остановились именно здесь, оказалось неожиданной удачей. Покормив или, вернее, перекормив, Нинель Ивановна отвела нас к гостевому домику. Едва взглянув на него, мы согласились его снять. Он был небольшой – всего две комнатки и крохотная кухонька, зато очень чистый и уютный. И стоял посредине самого настоящего вишневого леса!

Мама тут же отсчитала хозяйке деньги, и мы, напутствуемые словами о том, что вишню можно есть в любых количествах, приступили к отдыху.

Я думала, что просплю после тяжелой дороги, наверное, целые сутки, но, как оказалось, проснулась уже через час, когда на наш вишневый лес еще не пала ночная тень.

Было семь вечера. За открытым окном пели птицы, тихонько перешептывались, секретничая, деревья, а воздух пах так сильно и необычно, что я тут же вскочила на ноги и

бросилась разведывать окрестности.

Сказочный мир начинался сразу же за порогом. Я вступила на траву, мягкую, как шелк, и смешно щекочущую пятки.

Несколько шагов я прошла словно исследователь, впервые очутившийся на непознанных землях, и остановилась. Прямо перед моим носом с ветки свешивалась целая гроздь вишен. Чуть приподнявшись на цыпочки и не прибегая к помощи рук, я тут же принялась есть их, срывая ртом. Обхватишь вишенку губами, потянешь на себя – и она оторвется от ветки, а в рот брызнет терпковато-сладкий сок. От удовольствия я даже зажмурилась...

Я шла по вишневому лесу, мечтая об одном: пусть этот день никогда не кончается, и вдруг заметила, что мимо, на пределе видимости, промелькнула тень. Кто бы мог ходить здесь? На хозяйку не похоже.

Я сделала вид, будто у меня расстегнулся ремешок босоножки, и нагнулась, исподволь осматриваясь и прислушиваясь. Никого. Возможно, мне лишь померещилось, но дальше я на всякий случай пошла помедленней. Легкий шорох за спиной окончательно убедил в том, что за мной действительно кто-то идет. Но кто и, главное, зачем?

Пару раз я хотела подловить своего преследователя, оставалась и оглядывалась, будто выбирая самые сочные вишни, но попытки не увенчались успехом. Пока что противник оказывался более ловким, чем я. Честно сказать, не попадись его тень мне на глаза совершенно случайно, я бы

вообще не знала о том, что здесь есть кто-то еще, кроме меня.

Выйдя за калитку, я двинулась по дороге к морю.

Городок действительно очень красивый. У оград аккуратных домов росли чудесные розы – разные-разные – от нежно-белых до насыщенно-бордовых, почти черных, в воздухе сладко пахло цветами и солью.

«Хорошо иметь домик в Луноморске», – подумала я, переиначив известную фразу из рекламы. А что, от дома у моря я ни за что бы не отказалась. Прожить здесь всю жизнь, готова спорить, тоска смертная, но вот приезжать ненадолго, скажем, на несколько месяцев, было бы действительно здорово. К тому же, как и обещала Нинель Ивановна, жители городка оказались на удивление радушны. Те, кого я встретила на улице, улыбались, и у меня отчего-то создалось впечатление, что они искренне рады меня видеть.

Увлеченная красотами, я на время позабыла о своем преследователе, однако вскоре он напомнил о себе сам. Когда я вышла на пляж и подошла к самой кромке воды, то увидела, что на влажном песке что-то написано.

«УЕЗЖАЙТЕ ОТСЮДА!» – с удивлением прочитала я.

Пока я размышляла, что бы это могло значить, набежавшая волна смыла буквы. Я сразу подумала, что автор этой надписи и тот, кто преследовал меня от самого сада Нинель Ивановны, – одно и то же лицо. И даже подозревала, какое именно. Наверняка тот самый противный мальчишка, что

так странно смотрел на меня сегодня. Не знаю уж, чем именно я заслужила столь негостеприимный прием, но, судя по всему, это серьезно. Может, просто псих, который ненавидит девчонок? Вполне вероятно. Так или иначе, в этом милом городке у меня уже появился недоброжелатель.

Я сняла босоножки, в которые уже все равно набился песок, и вошла по колено в воду. Волны набегали и отступали, а я стояла на пляже, в полосе прибоя, и счастливо улыбалась. Плевать на мальчишку. Ему не удастся испортить мне каникулы. Нам с ним делить нечего. Я просто не стану обращать на него внимания – вот и всё. Бывает же паршивая овца в стаде, вот и он такая паршивая овца среди прочих милых и гостеприимных обитателей Луноморска. Нормальных людей значительно больше, и это внушает оптимизм.

Погуляв по пустому пляжу и подобрав несколько красивых ракушек, я пошла к дому. У калитки стояла, разговаривая с симпатичной аккуратненькой старушкой, наша хозяйка Нинель Ивановна. Заметив меня, она так и расцвела улыбкой.

– Вот дочь наших дорогих гостей. До чего славная девочка! – сказала Нинель Ивановна своей собеседнице с таким умилением, что я смутилась, а старушка, глядя на меня с ласковой улыбкой, одобрительно закивала.

Вот что значит доброжелательность. Можно подумать, будто они не встречали никого милее меня. «Наверное, до

них и вправду редко доезжают туристы, и они очень рады всякой возможности подзаработать», – подумала я.

В вишневом саду, неподалеку от нашего нового дома, висел гамак. Очевидно, Нинель Ивановна повесила его специально для нас, и я тут же улеглась на упруго пружинящую сетку. Лучшего места во всем мире и не сыскать. Глядя в голубое безоблачное небо, я почувствовала, что бесконечно счастлива. На меня буквально снизошли покой и умиротворение, которых не бывает в большом городе. Учеба и бесконечные дела просто не оставляют времени, чтобы вот так поваляться где-нибудь, глядя в небо.

Из домика выглянула мама. На ней был легкий льняной сарафан с маками по подолу и соломенная шляпка, украшенная алой, под цвет маков, лентой. В этом наряде она казалась особенно молодой и красивой. Мне такой пляжный вид понравился гораздо больше, чем ее обычный городской.

– Отдыхаешь? – спросила она, улыбнувшись. – А мы с папой хотели к морю прогуляться. Ты с нами?

– Нет, я уже была, – беспечно отозвалась я.

– Повезло нам, – заметила она, завязывая шнуровку сандалий, – здесь очень приятное местечко и люди такие замечательные.

«Даже слишком», – подумала я, вспоминая, с каким умилением взирали на меня хозяйка домика и ее собеседница, но говорить ничего не стала.

Через пару минут из дома показался и папа – в свободной

футболке со смешным принтом, изображающим пальмы и пляшущих вокруг них папуасов, и шортах, и они с мамой отправились на пляж.

Кажется, я задремала.

Мне снилось, будто я танцую на усыпанном ромашками лугу, кружусь и со счастливым смехом падаю в густую мягкую траву. Надо мной – безоблачное синее небо. Я открываю рот, и туда прямо с неба падают сочные спелые вишни. Я ем их, а по лицу течет густой и сладкий вишневый сок. Вдруг лакомство застревает в горле: прямо передо мной, словно из-под земли, появился светловолосый мальчик. Он осуждающе смотрит на меня.

– Уезжайте отсюда! – беззвучно произносят его губы. – Немедленно уезжайте отсюда! Вам здесь не место!

Я пытаюсь что-то возразить, но он, не слушая, достает из кармана веревку и принимается связывать меня по рукам и ногам. Гладкая холодная веревка скользит по телу, вызывая инстинктивное отвращение, я пытаюсь вырваться, кричу и просыпаюсь...

Пробуждение нельзя было назвать приятным. Оказалось, мой сон основывался на реальности: по моим рукам и ногам скользили... небольшие темно-серые змейки.

Я заорала и, выскочив из гамака, принялась судорожно отряхиваться. Какая мерзость! Змей было, наверное, штук пять, но со сна мне показалось, будто больше десятка. И как

же они, спрашивается, могли забраться так высоко?

– Что-то случилось? – Нинель Ивановна выскочила во двор, обеспокоенно глядя на меня.

– Змеи! Тут полным-полно змей! – сообщила я с крыльца нашего домика.

Хозяйка приблизилась.

– Где? – с удивлением спросила она. Твари к этому времени уже расползлись, выпав из перевернутого гамака.

Как раз в эту минуту одна из оставшихся ткнулась головой в ступеньку, и я снова завизжала.

Нинель Ивановна шагнула ко мне, нагнулась и вдруг ловко ухватила змею двумя пальцами и подняла.

– Не бойся, это всего лишь ужик! Он не причинит тебе зла, – она попыталась успокоить меня. – Погляди, видишь, на голове желтое пятнышко?..

С этими словами она сунула извивающегося ужа почти что мне в лицо. Но разглядывать его, выискивая пятнышки, вовсе не хотелось.

– Я, пожалуй, пойду, – поспешила сказать я и скрылась в доме, хлопнув дверью перед носом у хозяйки.

Ну вот, скорее всего, она решила, что я ненормальная: увидела одного ужика – и в крик. Но ведь кто-то подкинул мне змей в гамак, пока я спала. Не поленился наловить побольше...

Начало отдыха можно счесть не слишком удачным. Похоже, кто-то поклялся испортить мне поездку к морю. Во-

прос «почему» оставался за кадром. Может быть, этому «кому-то» не понравился мой нос или цвет майки. Кто этих психов поймет?

Когда мама и папа вернулись с пляжа, искупавшиеся и довольные, я рассказала им и про преследование, и про змей.

– Опять ты все выдумываешь, – укорила меня мама. – Ну сама подумай, кому нужно следить за тобой и делать гадости?

– Значит, кому-то нужно, раз делают, – резонно возразила я. – Подозреваю, что это все дело рук одного противного мальчишки. Не замечала? Когда мы приехали, он крутился неподалеку. Загорелый такой, белобрысый, моего возраста.

– Нет, не заметила, – пожалала плечами мама. – А может, змеи тебе приснились? Солнце на юге жаркое, сама и не заметишь, как напечет голову...

Ну здравствуйте, мама еще скажет, что у меня глюки. И спорить совершенно бесполезно – себе дороже, как я знала по опыту.

В общем, разговор мы замяли, а после ужина почти сразу легли спать. Я долго ворочалась, раздумывая о событиях прошедшего дня, и наконец махнула рукой: подождем, что будет завтра. Может, это что-то вроде своеобразного местного приветствия. Ну как в фильмах – бывает, что, когда кто-то приходит в новый коллектив, сотрудники устраивают какую-нибудь подлянку и наблюдают, как он себя поведет. Не исключено, что и белобрысый испытывает меня. Кто знает,

может, мы еще подружимся. Последняя мысль не внушала доверия даже мне самой, однако я не отбросила ее, решив, что пока что рано делать какие-нибудь выводы.

А на следующее утро, когда я вышла в дышащий свежестью вишневый сад, похожий на таинственный сказочный лес, в дерево, в полушаге от которого я стояла, с тонким противным свистом вонзилась самодельная стрела!

Совсем близко от моего лица. Я разглядела белое оперение, испачканное чем-то бурым, и клочок бумаги, обмотанный вокруг древка...

Так это же записка! Мне прислали записку! Осторожно вытащив из дерева стрелу, я развернула бумагу и прочитала четкие, написанные ровными печатными буквами строки:

«УБИРАЙТЕСЬ ОТСЮДА, А ТО ХУЖЕ БУДЕТ».

По спине пробежал холодок. Если это шутка, то совершенно дурацкая. Значит, вчерашняя игра продолжается. Не смешно. А если бы он попал мне в руку? Или в глаз?! Я кровадно скрипнула зубами. Все, с меня хватит! Пусть только этот хореk еще хоть что-нибудь выкинет, посмотрим, кому из нас будет хуже! Лет до двенадцати я спокойно дралась наравне с мальчишками и, если потребуется, легко вспомню былое и наcostыляю гаденышу по загорелой шее!

Вокруг по-прежнему пели птицы и темнели роскошные,

налитые соком вишни, однако настроение было уже не то, и я, вздохнув, пошла к дому.

– Ну что, Иринка, дуем на пляж?! – спросил папа.

Они с мамой, уже переодевшись в яркую пляжную одежду и прихватив сумки с полотенцами и водой, собирались к морю.

Остаться в саду в одиночестве мне расхотелось. Мало ли что: уж лучше пойти с ними.

– Да, иду! – поспешно отозвалась я и кинулась в комнату за купальником.

Про стрелу я решила пока не говорить. Чего доброго, мама решит, будто я играю в приключения и сама сделала ее, чтобы убедить в правдивости своих слов. Ничего, я уже привыкла, что мне не верят. А насчет неуловимого шутника... Если так будет продолжаться, то я, честное слово, приму серьезные меры.

Следующий день мы тоже почти целиком провели на пляже. Море оказалось теплым и совершенно изумительным. Меня не переставало удивлять, как чисто и аккуратно все в этом городе. Нигде не валялись ни пакетики от чипсов, ни банки из-под пива. Отдыхающих, кажется, не наблюдалось. Местные жители были приветливы и дружелюбны. В общем, не город, а мечта. Портит картину только белобрысый мальчишка. Пару раз он попадался мне на глаза, и я даже думала, что он следит за нами, однако поймать его пока не удавалось,

а когда я как-то направились к нему, чтобы серьезно поговорить, он сбежал, как последний трус.

В обед мама послала меня к нашей хозяйке за молоком. Нинель Ивановна встретила меня, как всегда, приветливо.

– Проходи, Ириночка, сейчас налью! – ее круглое добродушное лицо было похоже на блин.

Я зашла на кухню и застыла в дверях, переминаясь с ноги на ногу.

– Ну рассказывай, как учишься, – сказала Нинель Ивановна, доставая из холодильника пластиковое ведро с натянутой поверх марлей, и принялась осторожно переливать молоко в большой глиняный кувшин.

– Нормально, – без всякого энтузиазма ответила я.

Ну почему взрослые обязательно спрашивают об учебе?! По мне так если других тем нет, то вообще лучше помолчать.

– Небось отличница? – продолжила беседу хозяйка.

Я вздохнула:

– Нет, по алгебре тройка.

– А остальные четверки-пятерки?

– Ага, – мрачно согласилась я, думая, когда же меня, наконец, отпустят на свободу.

Но Нинель Ивановна, похоже, настроена на беседу. Поставив кувшин на стол вместо того, чтобы отдать его мне, она принялась сосредоточенно расспрашивать меня о здоровье, то и дело качая головой и сетуя на экологию, неправильное питание и то, какой хилой и болезненной стала нынешняя

молодежь.

— И вовсе я не болезненная! — не выдержала я. — Нормальное у меня здоровье.

— Вот и молодец, — обрадованно закивала головой Нинель Ивановна. — А что худая — это ничего, откормим. Ты сейчас, главное, больше на воздухе будь. Отдыхай, загорай, купайся, кушай хорошо. Вот я тебе пирожков напекла. Не думай, свежие, не вчерашние. Горячие еще. Кушай, деточка, на здоровьечко.

И она принялась наполнять тарелку пирожками.

Честно говоря, я впечатлилась. Даже мама не бегала вокруг меня подобным образом. Выходит, не зря говорят, что люди, живущие вдали от крупных городов, добрее, чем жители столиц.

— Спасибо, — сказала я, принимая из ее рук кувшин и тарелку с пирожками. — А... скажите... я видела мальчика... Загорелый такой, светловолосый, моего возраста...

— Так это наверняка Сашенька! — улыбнулась Нинель Ивановна. — Сиротинушка он у нас. Одна бабушка осталась, зато души в нем не чает!

Так, значит, сиротинушка?.. Ну понятно, выходит, хорошим манерам обучить его некому. Ну ничего, только попадись мне — дам урок-другой.

— А. Ну я пошла, — сообщила я хозяйке и с облегчением покинула ее дом.

Вроде она и хорошая, вот только какая-то излишне при-

липчивая, приторная, как засахарившееся варенье. И смотрит так умильно, как будто я пухлощекий пятилетний ангелок – еще чего не хватало!

Ближе к вечеру, когда старые механические часы с кукушкой, живущие в нашем временном доме, прокуковали пять раз, мы всей семьей собрались на пляж. Мы уже вышли за калитку и двинулись по дороге к морю, когда я вспомнила, что оставила дома книжку. Если кто не понял, это настоящая проблема: мама любила проводить на пляже много времени, стремясь загореть так, чтобы каждому с первого взгляда стало понятно: она побывала на юге, а не на какой-нибудь подмосковной даче!

В общем, пришлось попросить у мамы ключ и вернуть-ся. Я открыла дверь, взяла книгу и на минуту остановилась, чтобы раскрыть ее и взглянуть на вложенную между страниц открытку.

«I love you, baby!» – подмигнуло мне веселое сердечко. Даже не сомневаюсь, все у меня будет в порядке. Вот вернусь с юга – загорелая, повзрослевшая – и столкнусь где-нибудь с Вадимом. Совершенно случайно. Скажем, по пути в магазин. Я буду идти – вся в белом, такая легкая и необыкновенная, а он навстречу – с тяжелыми сумками. Увидит меня – и так и замрет! Наверное, даже сумки выронит. Оттуда выкатятся ярко-оранжевые апельсины и разбегутся, как мячики, по дороге, но он этого даже не заметит, потому что будет

смотреть только на меня. А я улыбнусь – и пройду мимо...

По правде говоря, мне ни разу не доводилось видеть Вадима с сумками, но уж больно красивая картинка получалась... Я так и представила хмурое московское небо, Вадима, глядящего на меня растерянно и потрясенно, рассыпавшиеся апельсины...

Воображая все это, я стояла посреди комнаты и улыбалась как последняя дура. Случайно заметив отражение своего лица в висевшем на стене зеркале, даже расстроилась: нашлась мечтательница! Нос длинный, вон, уже и облупился – какой там красивый загар, а волосы торчат, будто жесткая солома... красавица!..

Я решительно захлопнула книжку и пошла к двери: мама с папой наверняка меня уже потеряли.

Выйдя из домика, я повернулась, чтобы закрыть дверь, и остолбенела.

Сердце подскочило и тут же ухнуло в пятки, а горло перехватило спазмом, точно тугой петлей: к двери большим ножом была прибита мертвая летучая мышь с растопыренными крыльями и листок клетчатой бумаги, на котором оказалось написано всего одно слово:

«УБИРАЙТЕСЬ!»

Буквы были неровными, с подозрительными подтеками... «Мамочки! Это же кровь!» – сообразила я.

И тут меня прорвало.

С громким «А-а-а-ааа!» я сломя голову бросилась куда-то. Я мчалась, пока кто-то не схватил меня за плечи. Закричав еще громче, я попыталась вырваться, но меня крепко держали чьи-то сильные руки.

Не помня себя от страха, я подняла голову и встретила взглядом... папы.

– Ира, что с тобой? – спросил он, видимо, искренне напуганный моим странным поведением.

– Там... там... – я замолчала.

– Ну и что там? – спросила мама усталым голосом.

По ее лицу было заметно, что ей ужасно стыдно за меня.

Я огляделась и заметила хозяйку, у которой мы снимали гостевой домик, и еще одну женщину. Они стояли и, даже не пытаясь скрыть любопытство, глазели на нас.

– Там к двери была пришпилена летучая мышь! – выдохнула я.

– Мышь? Что за ерунда? Зачем бы это? – удивился папа.

– Он специально пугает меня. А вдруг он маньяк? Ну чокнутый? – предположила я.

– Кто «он»?! – потеряла терпение мама. – Объясни все по порядку!

Запинаясь и то и дело неуверенно глядя то на маму, то на папу, я снова рассказала и о надписи на морском берегу, и о змеях, добавив на этот раз пару слов о стреле с запиской и приколотой к двери летучей мыши. Постепенно брови мамы

поднимались все выше и выше, и наконец, когда они совсем взмыли вверх, исчезнув под челкой, я выдохнула: «Всё!»

– И что, все это, по-твоему, проделал тот белобрысый мальчик, о котором ты говорила в прошлый раз? – уточнила мама.

– Именно он! – без тени сомнений отрапортовала я.

Мама нахмурилась.

– Пойдем! – сказала она сурово. – Сейчас я сама во всем разберусь!

Мы подошли к дому. Дверь, как и прежде, распахнута, но... на ней ничего не было.

– Ну? – спросила мама, требовательно глядя на меня.

– Она была здесь! Честное слово! – я беспомощно перевела взгляд на папу.

– А теперь нет, – развел руками он, подтверждая мамину правоту. – Но ты можешь показать нам хотя бы стрелу. Если ты ее, конечно, не потеряла.

– Сейчас! – обрадовалась я и, кинувшись в комнату, принялась рыться в своих вещах. Она была где-то здесь. Она должна находиться здесь. Но ее не было!

– Ну? – повторила мама, и в голосе ее зазвучал арктический холод, от которого моя спина, несмотря на жаркий летний день, вновь покрылась мурашками.

Я молчала, и они с папой многозначительно переглянулись.

– Понимаешь, Иришка, – нерешительно начал папа, – ты

слишком даешь волю воображению. Нет, воображение – дело хорошее... Когда оно применяется должным образом. Скажем, изобретатели...

– Это все твои глупые книжки! – перебила его мама. – Читала бы лучше то, что по школьной программе задано. А еще налегла бы на алгебру. Кто-то обещал мне заниматься летом, чтобы на следующий год исправить тройку. Все, с этого дня будешь решать по пять заданий ежедневно. Слышишь меня, ежедневно!

Я прекрасно ее слышала, поэтому опустила голову.

– Что-нибудь случилось? – спросила хозяйка.

Подошла она совершенно бесшумно и теперь стояла за нашими спинами – эдакое упитанное привидение.

– А? – вздрогнула мама, но тут же взяла себя в руки. – Нет, ничего, спасибо.

Иногда она отлично умела без слов объяснить, что нечего вмешиваться в наши дела. Хозяйка удалилась.

– И чтобы такие истории не повторялись! – строго заявила мама. – А то, помнишь, в прошлом году кто-то уверял, будто наши соседи по лестничной клетке – бандиты и наркодилеры?

Можно было меня и не добивать. Я и так уже размазана по стенке, раскатана, точь-в-точь пласт теста для пирожков, и лежала где-то там, ниже плинтуса. Что делать, но наши соседи действительно казались такими подозрительными... А не ошибается лишь тот, кто ничего не делает! Вот даже доктор

Ватсон ошибался, принимая Шерлока Холмса за бандита.

Но стрела и мышь... нет, это не могло мне привидеться!

Я непременно подловлю этого подлеца Сашку и, глядя в его наглые глаза, прямо спрошу обо всем!

Глава 3

Сумеречные тени

Он сидел на скале, прямо над морем, беспечно свесив босые ноги и глядя куда-то вдаль, и вовсе не подумал обернуться на звук моих шагов. Мне даже показалось, что он ничего не слышал, но он сказал:

– Ну садись, раз пришла.

Я оторопела. Ни тебе «здрасьте», ни извинений. Просто «садись» – не потрудившись обернуться, даже не взглянув мне в глаза!

Разумеется, сесть я не могла – это означало бы, что я готова вступить в мирные переговоры, а я пришла сюда совершенно за другим! Поэтому я и осталась стоять за его спиной, нелепо переминаясь с ноги на ногу. Он по-прежнему смотрел куда-то в синюю даль.

– Скоро совсем стемнеет, – снова заговорил он, – знаешь, как быстро солнце у нас садится? Буквально несколько минут – и оно уже скрылось за морем.

Сказать, что я обескуражена, – значит не сказать ничего!

Я стояла за его плечом, не зная, что делать.

А солнце действительно садилось. Огненно-красный шарик, словно бусина на нитке, движущийся между небом и морем. И небо, и море были невероятными – ярко-розовое с ярко-голубым. А по морю напрямик к солнцу пролегла до-

рожка. Вот бы пройти по ней туда, за горизонт!..

Солнце действительно садилось невероятно, фантастически быстро. Вот уже виден всего лишь краешек, еще буквально минута – исчез и он. Только море оставалось все таким же алым, будто солнечный свет расплескался по его поверхности.

– Вот и всё, – слышался мальчишечий голос, и я вздрогнула, потому что успела забыть, что не одна.

Злость куда-то ушла, будто исчезла за горизонтом вместе с солнцем. Я хотела опять разозлиться, но никак не могла. Наверное, это звучало в моем голосе, когда я сказала белобрысому Сашке, что он негодяй. По крайней мере, на него это заявление не произвело ни малейшего впечатления. Он пожал плечами – и только.

– Скажи, зачем ты устраивал все это? – спросила я, обращаясь к его узкой загорелой спине. Повернуться ко мне он так и не соизволил.

– Уезжайте, – сказал он тихо.

Я даже усомнилась, произнес ли он это или то, что я слышала, было лишь плеском волны.

– Но почему? Объясни, почему мы должны уехать? Может, нам здесь нравится?

Он промолчал, и я все-таки начала закипать.

– Ну хорошо, – сказала я, тоже отворачиваясь от него, – раз ты не хочешь разговаривать со мной, я поговорю с твоей бабушкой!

Конечно, жалобы – это не мой стиль, но что делать, если тебя просто-напросто игнорируют, а с сидящим спиной человеком невозможно ни нормально поговорить, ни даже стукнуть его хорошенько. И что еще мне оставалось?..

– Не надо! – он прыжком поднялся на ноги и наконец-то обернулся ко мне лицом. – Пожалуйста, не ходи к бабушке! Не надо!

Я торжествовала. Похоже, его слабое место обнаружено, и мне остается лишь ударить по нему посильнее.

– Я так и знал! – выдохнул Сашка, и я увидела, что его лицо на глазах окаменело, словно он нацепил на себя маску, и только в глазах раненой птицей метнулся страх.

По тропинке по направлению к нам шла старуха. Легкий морской ветерок трепал седые космы и края широких черных одежд. В одной руке она держала деревянный посох, в другой – пучок какой-то травы с мелкими желтыми цветами.

Мы молчали все то время, покуда она двигалась к нам.

Теперь, когда старуха приблизилась, я смогла ясно разглядеть ее лицо. Темно-коричневую, изрезанную многочисленными морщинами кожу, напоминавшую старую пиратскую карту, провалы щек – Мариинские впадины, лоб и подбородок – континенты, крупный крючковатый нос – горный пик. И наконец – глаза. Нет, самое главное – глаза. Ясные, морские, неожиданно синие и пронзительные. Острые, как иглы. Сейчас эти две иглы впились в меня по самые ушки. Старуха смотрела на меня так, будто видела насквозь, словно погру-

жала в меня исследовательские зонды.

Она медленно, не говоря ни слова, прошла мимо, и мне показалось, что теплый июньский вечер вдруг наполнился холодом.

– Это твоя бабушка? – потрясенно спросила я, когда старуха скрылась из вида.

Белобрысый мальчишка кивнул.

– Убирайтесь отсюда. И чем раньше – тем лучше, – сказал он сухо и зло и, никак не объяснив очередную перемену своего настроения, зашагал по тропинке в сторону, противоположную той, куда ушла его бабушка.

Честное слово, истерик какой-то! Психолога на него не хватает, а то даже и психиатра.

Ну что же, разговора не получилось, однако идти жаловаться на мальчишку мне почему-то совершенно расхотелось. Странная старуха, наверное, сама маленько того... Вот и не следит за внуком. Небось, это у них вообще семейное.

Может, просто не обращать на психа внимания и не вестись на его дешевые пугалки? В конце концов мы уедем отсюда. Не когда он нам велит, а когда сами захотим, а все куда-нибудь пусть себе живут как им вздумается. Мне-то что.

С этой мыслью я села на камень, еще хранящий тепло недавно погасшего дня, и стала смотреть на море. Было в этом месте что-то спокойное, что-то правильное.

Глупый мальчишка умел выбирать места.

Почти весь следующий день провела на пляже. Купалась в море, валялась с книжкой, подставляя солнцу то спину, то бока, и напоминала себе пригревшуюся на солнце кошку. Все тело наполнилось блаженной ленью, не хотелось лишний раз шевелиться. Вечером мы, одолжив у хозяйки переносной мангал, снова пришли к морю, чтобы запечь на огне рыбу, которую с самого утра наловил папа.

– Как хорошо здесь! – вздохнула мама, глядя в стремительно темнеющее небо. – Вот бы поселиться здесь навсегда!..

– Ага, – усмехнулся папа, целиком насаживая рыбину на выструганную из вишневой веточки шпажку, – это ты, Наташенька, сейчас говоришь. А сама бы, небось, через месяц от скуки взвыла. Вот погляди на Иришку. Здесь почему-то немного детей, она не знает, куда себя деть. Все с нами ходит.

– А может, ей с нами интересно? – предположила мама.

– Ага, – равнодушно кивнула я. На самом деле мне, понятно, хотелось бы с кем-нибудь подружиться, но, как справедливо заметил папа, детей в этом городке почти не наблюдалось, а мой ровесник, кажется, был вообще один. Тот самый Сашка, дружить с которым я вовсе не собиралась.

– Да вы только посмотрите, какие здесь звезды! А луна?! Через несколько дней она будет совсем круглой, – мечтательно проговорила мама, глядя на небо. Приятно пахло морем и костерком – легко, едва уловимо, и от этого волнующего запаха немного кружилась голова.

— Гм... — сказал папа. — И вправду красиво. Только хорошо бы к рыбе лимончик... Ирин, будь другом, сгоняй к хозяйке!

— Романтик! — возмущенно воскликнула мама и нахлобучила папе на глаза кепку. — Я о звездах, а он!

— А что я? — папа озорно сдвинул кепку куда-то на затылок. — С лимончиком-то вкуснее.

В общем, идти за лимоном мне все-таки пришлось. Я мигом добежала до дома Нинель Ивановны и нетерпеливо забарабанила в дверь. Тщетно: никого, только залаяла во дворе собака.

Возвращаться с пустыми руками мне показалось обидным, и я пошла стучаться в соседний дом, где жила милая добродушная старушка, с которой мама частенько останавливалась обсудить погоду и московские цены. И опять никто не открыл. Окна были темными, слепыми.

Странно, куда они подевались?.. И тут я буквально физически почувствовала, что в городе что-то не так. Не так, как должно... Очень тихо, а еще — темно! А ведь точно: по всей улице ни одного освещенного окна! Пораженная этой догадкой, я застыла. Мне вдруг показалось, что я совершенно одна — на пустой улице пустого вымершего города. А еще... еще за мной кто-то наблюдает. Чьи-то недобрые, пронизывающие глаза неотрывно следят за мной, заставляя холодеть кровь в жилах. Сердце стучало испуганно и неровно. Громко — слишком громко в этой ужасающей тишине. Вдруг этот звук услышит тот, кто скрывается в темноте?!

Я зажмурилась.

«Это – дурацкие книжки, – сказала я себе, – мама права. Вот сейчас открою глаза – и всё будет нормально».

Я открыла глаза, но ничего не изменилось. Темные – без единого светлого окна – дома стояли молчаливыми стражами. Они показались мне живыми.

– Хозяева! Есть кто-нибудь?! – закричала я, изо всей силы заколотив в ближайшую калитку.

Тишина, только опять залаяла собака.

Я бежала по пустой, темной улице и до хрипоты срывала голос, зовя людей. Ну хоть кого-нибудь! Город совершенно пуст и безмолвен.

Почему я не направилась к морю – туда, где остались мои родители? Я боялась. Боялась, что их тоже не окажется на месте, и тогда я останусь совсем-совсем одна. Не в силах решиться проверить это, я села на траву, прислонившись к одному из заборов, и принялась ждать. Чего – и сама не знаю. Время застыло, вернее, ползло медленно-медленно, будто истекало крохотными каплями – кап, кап, кап...

И тут я увидела их. Серые молчаливые тени шли по улице прямо ко мне. Их было много – целая толпа. Постепенно от этой толпы-реки отделялись маленькие ручейки, разливаясь по соседним домам. Толпа редела... Я сидела затаившись, как мышка. Несколько теней прошли совсем близко от меня.

– Скоро время придет. Великая Мать уже почти полностью показала свое лицо. И тогда... – услышала я.

– Замолчи! Не здесь, – резко прервал второй голос. Я узнала в нем голос нашей хозяйки. Да и по очертаниям крупной массивной фигуры можно было понять, что это Нинель Ивановна.

Я старалась не дышать. Что же здесь все-таки происходит? Что за Великая Мать и что должно случиться потом?.. Чего они ждут? А вдруг они все маньяки? Это же ненормально – шляться вот так по улице и говорить какую-то ерунду? Вот повезло! Знала же, что мамина разборчивость к добру не приведет! Вот-вот, мне же сразу показалось странным, что здесь такой покой и порядок. Это же ненормально, если во всем городке нигде не валяется мусор! Даже обертки от мороженого днем с огнем не найдешь! А еще дети. Вот почему здесь так мало детей? И отдыхающих? Может, белобрысый мальчишка прав и нам действительно нужно бежать отсюда – пока не стало хуже? То есть пока какая-то Великая Мать не показала лицо?.. Я совершенно запуталась и сочла за лучшее отложить свои соображения на потом. Главное – добраться до папы с мамой и предупредить их!

Дождавшись, когда все разойдутся по домам, я побежала на место нашего пикника.

– Явилась – не запылилась. Тебя только за смертью посылать! – проворчала мама. – Ну, давай сюда.

– Что? – я судорожно дышала, пытаюсь восстановить дыхание после быстрого бега.

– Ну конечно же, лимон. За чем тебя еще посылали? Судя

по времени твоего отсутствия, ты бегала за ним куда-нибудь в Африку.

Точно! Лимон! Я совершенно забыла о нем, в чем пришлось тут же признаться.

– То есть как забыла? – удивился папа. – А где ты была так долго?

– Я ходила за лимоном, но потом... но там... – и я рассказала родителям про пустой город.

Папа с мамой выслушали меня молча, не перебивая. Взгляды их оказались красноречивее любых слов. Они не верили мне! Просто отказывались верить!

– Ира, ты теряешь чувство реальности, – укорил меня папа. – Сначала стрела, затем летучая мышь, и вот теперь – пожалуйста – город, полный маньяков или космических пришельцев. Мы же с тобой уже об этом говорили! Вспомни: литература – одно, а жизнь – совсем другое.

Не поверить мне легко. Каждый мог решить, ведь это так прекрасно все объясняет: у девочки богатое воображение, наверное, девочка сама немножко тью-тью!

– Ну хорошо! – выпалила я. – Тогда идите и спросите у Нинель Ивановны, где она сейчас была!

– Ира, – мама горько вздохнула. – Ну почему тебе нужно все испортить?! Мы собирались устроить пикник, посидеть всей семьей, глядя на звезды!... А ты... Хорошо, я поговорю с Нинель Ивановной, хотя мне, конечно, неудобно ставить тебя в неловкое положение. Но пусть лучше это выяснится

сейчас, чтобы ты еще раз убедилась в своих ошибках и не упорствовала в нелепых – я повторю: нелепых – фантазиях!

Я молча опустила голову. Все против меня. Если Нинель Ивановна и вправду замешана в чем-то подозрительном, она, конечно, не признается в этом маме, а напротив, придумает какую-нибудь отговорку. А кому поверит мама? Не мне – это факт. Почему-то считается, что взрослые всегда говорят правду, а вот дети такие фантазеры!..

– Давайте есть рыбу, а то остынет, – разрядил напряженное молчание папа. – Бог с ним, с лимоном – свежезапеченная рыба и без него фантастически вкусна. Ну, попробуйте! Чего сидеть с такими скучными лицами?..

Мы с мамой взяли по ароматному горячему кусочку. Рыба и вправду просто таяла во рту. Я тщательно облизала пальцы и потянулась за вторым куском.

Мама, все еще сохраняющая обиженное выражение лица, тоже взяла добавки.

– Выходит, и от твоей рыбалки есть польза, – задумчиво сказала она.

– А то! – гордо ответил папа и засиял, точно солнце.

Глава 4

Лестница в небо

Разумеется, хозяйка все объяснила. Вчера у них проходило собрание совета города. Поскольку городок маленький, то, как сказала Нинель Ивановна, все у них решается коллегиально. Это значит, что каждый житель может высказать свое мнение и поучаствовать в управлении.

Очень убедительно, не правда ли? И я бы подумала так, если бы не случайно услышанные слова. Я совсем запуталась и не знала, кому верить, но мама с папой конечно же удовлетворились полученным объяснением, и мне досталась очередная порция упреков, а также наказание, заключавшееся в том, что у меня были отобраны (надеюсь, временно) романы, а взамен предоставлен задачник по алгебре.

– Все беды идут от праздности ума, – заявила мама, вручая мне книгу. – Сон разума рождает чудовищ.

Видела я такую картинку. Там был нарисован заснувший за столом человек, а за ним и над ним копошились всякие твари типа летучих мышей и странных животных.

– Главное, чтобы эти воображаемые чудовища однажды не съели тебя, – решила пошутить я.

Но мама сегодня не была расположена к шуткам.

– Вижу, что они уже почти съели твои мозги, – заявила она и тут же добавила: – Успехов в алгебре. Как выполнишь

дневную норму – покажи мне, проверю.

Мама – бухгалтер и обожает всякие циферки, а меня при одном взгляде на них тянет в сон.

В общем, добрая половина дня оказалась совершенно загублена. Покончив с задачками и получив от мамы нагоняй за обилие допущенных ошибок, я с облегчением вздохнула и приступила к выполнению придуманного вчера плана. А он заключался в том, чтобы пошататься по городу и повнимательнее приглядеться к его жителям: вдруг замечу еще что-нибудь подозрительное?..

Жизнь города текла размеренно и неторопливо. Странным оказалось то, что я не встретила ни одного праздного шатающегося человека. Каждый был занят делом, даже немногочисленные дети – все-таки они здесь есть – вместо того, чтобы носиться по улицам с криками, гонять мяч или заниматься чем-нибудь столь же приятным и полезным, помогали взрослым, трудясь в саду или огороде. Посмотришь: малявка малявкой, а туда же – с сосредоточенным видом тащит огромную лейку или, согнувшись в три погибели, очищает грядку от сорняков.

Подозрительно? Еще как!

Покрутившись то тут, то там, я заметила, что один из домов почему-то пользуется особой популярностью. Сначала мальчик принес туда большую корзину, накрытую белым полотенцем, затем женщина притащила банку молока и большой сдобный пирог, а спустя некоторое время другая про-

шла внутрь с полной сумкой.

«Наверное, тут живет какая-то важная птица», – подумала я, но тут из дома вышел знакомый белобрысый мальчишка.

Вот это номер! Неужели он или та странная старуха, его бабушка, уважаемые в городе люди? Или им помогают просто потому, что у него нет родителей и они с бабкой не могут прокормить себя сами?.. Тоже вполне может быть, раз они здесь все такие трудолюбивые и правильные.

День прошел очень быстро, и вот я уже лежала в кровати, от нечего делать придумывая сюжет для фильма ужасов. Местом действия можно было бы взять небольшой городок, удаленный от крупных населенных пунктов. Туда случайно попадают герои – прекрасная и отважная девушка и влюбленный в нее благородный молодой человек (здесь я, разумеется, представляла себя и Вадима). Довольно быстро выясняется, что населяют город вовсе не люди, а вампиры. И вот безлунной ночью они приходят к дому, где поселилась героиня, чтобы выпить ее горячую юную кровь...

В это время от окна и вправду донесся странный шорох, а потом тихий противный звук – как будто кто-то царапал когтями по стеклу.

Сердце тут же тревожно забилося, а я зажала руками рот, чтобы не закричать. Вот заору, разбужу всех, а потом выяснится, что царапает стекло ветка, – позору не оберешься.

«Спокойствие!» – сказала я себе и замерла в надежде, что

все образуется.

Разумеется, надежда оказалась тщетной. Новый скрежет, чуть более громкий, чем раньше, показался мне звуком трубы, созывающей на Страшный суд. Я подскочила, радуясь тому, что сплю с закрытым окном, а форточка слишком мала, чтобы что-нибудь из сада могло туда пролезть... В любом случае, если бы оно могло проникнуть в комнату, оно бы уже было здесь. Эта мысль несколько ободрила меня.

За окном было темно, где-то в густых вишневых ветках проглядывал краешек почти округлившейся луны. Южные ночи вообще темней привычных мне московских, а тут еще вишневый сад, дающий густую тень. В общем, разглядеть что-либо за окном почти невозможно.

– Кто там? – тихо спросила я и, вспомнив о том, что вампиры не входят в дом без приглашения, тут же добавила: – Убирайтесь! Я вас не приглашала!

– Это Саша! Я хотел с тобой поговорить! – услышала я знакомый голос.

Ну конечно, Саша. Днем он со мной говорить не хочет, но зато явился среди ночи... Наверняка исключительно для того, чтобы пожелать мне хороших снов!

– Я тебя не приглашала, – повторила я на всякий случай. – Ты не можешь войти сюда без приглашения.

За окном молчали, а потом я услышала хихиканье.

– Ты что, и вправду думаешь, что я вампир? – ехидно поинтересовался голос.

Теперь растерялась я. Любой ответ – и положительный, и отрицательный – прозвучал бы глупо.

– Ну хочешь, перекрещусь? – шепотом спросил Сашка, правильно истолковав мое молчание. – «Отче наш», извини, наизусть не знаю, но, если у тебя есть крестик или что-нибудь такое, можешь попробовать приложить его к моему лбу.

То, что он говорил, звучало довольно здраво, однако сомнения еще оставались.

– А зачем ты сюда пришел среди ночи? – поинтересовалась я тихо, стараясь не разбудить спящих за тонкой перегородкой родителей.

– Говорю же: мне нужно поговорить с тобой наедине. Так, чтобы никто нас вместе не видел.

– Ладно, – согласилась я. – Сейчас оденусь.

Я нащупала сброшенную перед сном длинную футболку, натянула на себя и, не включая света, тихо двинулась к двери. Видок, должно быть, у меня был еще тот. Растрепанная, в длинной смешной футболке. Ну да ничего. Сойдет. Не на свидание собралась.

Выбравшись из дома, я вдохнула свежий ночной воздух. Сладкий аромат вишен и легкий привкус моря. Непередаваемое сочетание. Однако разнеживаться было вовсе ни к чему, и я огляделась в поисках Сашки.

– Эй! Где ты там? – тихонько позвала я.

– Здесь, не ори, – прошипел он, выступая из тени дерева. Честно говоря, какой-то оттенок романтики в этом был.

Ночной сад, огромная луна и поджидающий меня под вишневым деревом мальчик. И почему это не Вадим?.. Хорошо бы он оказался сейчас на Сашкином месте, протянул мне руку и сказал: «Нас пытались разлучить злобные завистницы, но я разрушил их мерзкие интриги, и теперь мы навсегда будем вместе!» А я бы...

— Ну чего встала, — на корню разрушил все зачатки романтики Сашка, — пойдем, пока нас никто не услышал.

Мне и самой не слишком нравилась идея разговаривать почти что под окнами родителей (у которых, конечно, тоже открыта форточка, а значит, с большой вероятностью они нас услышат), однако поведение местного мальчишки оставляло желать лучшего. Пора было поучить его этикету.

— Может, у вас принято разговаривать с девушками подобным образом, но у нас в Москве... — сказала я, придав лицу надменное выражение и смутно жалея, что Сашка, похоже, не сможет по достоинству оценить его из-за царящей в саду густой чернильной тьмы.

— Ира! Ты с кем это там? — послышался из окна встревоженный голос мамы.

Белобрысый укоризненно покачал головой и отступил обратно в тень.

— Сама с собой, — буркнула я. — Вышла перед сном немного свежим воздухом подышать.

— Подышала? Ложись немедленно, — велела мама.

— И другим спать не мешай. Кому-то завтра чуть свет вста-

вать, – добавил папа.

Вставать он собирался, разумеется, на рыбалку.

– Да, уже иду, – отозвалась я и тихо хлопнула дверью, как будто возвращаясь в дом.

Минут пять я выжидала, затаив дыхание: все ли в порядке. Дом погружен в тишину, и только в гуще вишневых деревьев что-то шуршало и похрустывало. Ночной сад полон своей жизни.

– Идем, – еле слышно прошептал Сашка, снова высываясь из-за дерева.

И я, решив на этот раз не спорить, последовала за ним.

Когда мы вышли за калитку, белобрысый тихонько свистнул. И тут я увидела, что на меня несется что-то огромное. Понятно, что мне никогда не доводилось стоять на путях перед паровозом, но, думаю, ощущения сходные. Не успела я сообразить, что происходит, как оказалась лежащей на земле. Надо мной нависла громадная белая туша. Чудовищная пасть раскрылась... и шершавый теплый язык прошелся по моему лицу.

– Фу! Пес! Что ты себе позволяешь! – окликнул кого-то Сашка.

Ну конечно, собака! Та самая белая собака, которую я видела в день приезда. Пес как-то очень по-человечески, будто с сожалением, вздохнул, но все-таки оставил меня в покое. Обескураженная и напуганная, я поднялась на ноги.

– Ты извини, – наконец-то соизволил сказать Сашка – я

уж думала, что он отродясь и не слышал такого слова. – Пес не злой, даже совсем наоборот. Он играть очень любит...

– Я заметила, – сухо ответила я, отряхивая футболку.

Я понимаю, что на мне не парадный наряд, однако кому приятно, если на него наскакивают и роняют в дорожную пыль, к тому же на миг мне показалось, что эта собака легко и непринужденно откусит мне голову. И, между прочим, даже не подавится. Учитывая нашу разницу в весе.

– Он и вправду хороший. Ты ему понравилась, – мальчишка принялся чесать зверя за ухом, а тот, явно довольный, скалил пасть, будто улыбался.

– И что, его так и зовут: Пес? – поинтересовалась я, убедившись, что непосредственной угрозы для моей жизни в данный момент все-таки нет.

– Так и зовут. А что, хорошее имя... Тем более если вспомнить, как его называли раньше.

– И как же?

Сашка смутился.

– Песик, – выдавил он из себя, спустя, наверное, минуты три.

– Ка-ак?! – переспросила я, давась от смеха. Такая махина – и вдруг Песик. Действительно достойное имя. – И кто же его так назвал?

– Я, – неохотно буркнул Сашка. – Ну, я еще тогда маленький был. И он тоже.

Между тем Пес потихоньку обнюхивал мою руку, видимо,

продолжая проявлять ко мне живой интерес. На всякий случай я немного отступила.

– Говорю же: не бойся, он не кусается. Это все в округе знают, – кажется, Сашка был рад увести разговор подальше от странного имени собаки.

Не то чтобы я боялась собак. Просто предпочитала держаться от них подальше – с тех пор как одна из таких псин порядком напугала меня лет в восемь, когда я, никого не трогая, бежала к дому. В общем, несмотря на все Сашкины уверения, я постаралась держаться от его лохматого друга на максимальной дистанции, и мы продолжили путь.

Сашка провел меня мимо домов, избегая улиц и освещенных фонарями участков дороги, прямо на берег моря и молча опустил на камни. Пес тут же с деловым видом умчался куда-то, а я села рядом с мальчишкой.

Внизу плескалось море, темное-темное. Пахло солью. Огромная луна наклонилась над землей, будто с любопытством глядя на нас.

Если бы вместо Сашки здесь был Вадим, он, может быть, даже поцеловал бы меня...

– Красиво. Луна здесь совершенно необыкновенная, – сказала я, прерывая затянувшееся молчание.

– Есть одна старинная легенда. Хочешь послушать? – спросил Сашка.

– Хочу.

Он немного помолчал, будто собираясь с мыслями, и за-

говорил. Его история, рассказанная под негромкий аккомпанемент разбивающихся о камни волн, показалась мне похожей на сказку.

– Давным-давно были у Хаоса две красавицы-дочери. Старшую звали Солнцем, а младшую – Луной. Вот призвал их однажды отец и говорит: «Дочери мои хорошие, которая из вас удивит меня сильнее своим мастерством, та и будет царить над миром».

Долго думала старшая дочь, чем бы поразить своего отца, и придумала. Замесила она тесто и вылепила из него звезды и планеты и поместила на небесный свод. «Вот, – подумала гордая Солнце, – теперь сестре никак не сравниться со мной!»

Увидела Луна то, что сделала ее сестра, и рассмеялась. «Неужели, – говорит, – это настоящее чудо? Это просто нелепые бездушные игрушки». Разозлилась Солнце так, что даже покраснела от гнева. Так от нее жаром и повеяло.

«Ну хорошо, – говорит она сестре, – а что сделала ты?»

И тогда Луна показала Солнцу людей, которых она родила и наделила душами, сотканными ею из собственного света.

Нахмурилась Солнце: «Совсем зазналась, сестрица! Разве могут какие-то жалкие людишки сравниться с целыми планетами, которые я создала?!»

«Что стоят твои планеты, когда на них нет жизни?» – возразила Луна.

Слово за слово, они поссорились и решили идти к отцу

Хаосу, чтобы он рассудил их. А отец присудил победу Солнцу, потому что любил старшую дочь сильнее.

Возрадовалась Солнце, но уж очень ее раздражали люди, созданные сестрой. Вот и решила она их сжечь. Но Луна поклялась не оставлять своих детей без помощи. Целый день жгла старшая сестра землю, пытаясь уничтожить людей, а ночью Луна подарила им свежесть и прохладу. Повинуясь ее зову, нахлынули волны на иссушенную, растрескавшуюся почву и охладили ее, заструились по земле многочисленные реки, способные утолить жажду и напоить усталого путника. Кроме того, научила Луна людей тайным искусствам, в которых была большой мастерицей. В те времена волшебство наполняло всю землю, и дети Луны могли творить настоящие чудеса – щедро поделилась с ними мать, ничего не пожалела.

Узнал об этом отец Хаос, разозлился и накинул на лицо младшей дочери темное покрывало. Теперь ей пришлось носить его постоянно, снимая только изредка, всего лишь раз в месяц, показывая миру свое лицо.

Тем временем Солнце, видя, что ей силой не совладать с сестрой, прибегла к лести да хитрости. Пришла она к людям и уговорила следовать за собой, забыв о собственной матери. И многие поверили и пошли за ней, лишь некоторые оказались тверды и не отступились от той, кто их действительно любила. Горько заплакала Луна, видя предательство своих детей, и упала одна ее слезинка на землю, и появилась из нее бессмертная душа, которая из поколения в поколение, ме-

няя телесные оболочки, оберегает немногих верных Матери людей. Также говорят, что душа Хранительницы в момент смерти старого тела вселяется в новое, подходящее для нее, и этот круговорот будет продолжаться до тех пор, пока живы люди, помнящие и почитающие Великую Мать.

– Красивая легенда, – сказала я. Теперь Луна и вправду показалась мне живой. – Но объясни все-таки, почему ты хочешь, чтобы мы уехали?

– Ты не знаешь местных обычаев. Просто ни во что не вмешивайся, и уезжайте как можно скорее. Завтра же, а то будет поздно, – и он с беспокойством посмотрел на луну.

– Но почему я должна тебе верить? Ты даже ничего не объясняешь! Просто заладил как попугай: уезжайте, уезжайте!..

Сашка поднял небольшой камушек и с размаху бросил его в море.

– Я не могу ничего тебе объяснить. Не имею права, понимаешь?! Просто уезжайте – и всё. Вот, кстати, можешь почитать на досуге, – он протянул мне сложенный листок бумаги.

– Что это? – полюбопытствовала я, пытаюсь разглядеть отпечатанный на листке текст, но не слишком преуспев в этом.

– Почитай. И подумай над моими словами. Лучше бы вы на какой-нибудь курорт поехали. И зачем вам понадобилось останавливаться здесь?..

Галантности и такта, как я уже замечала, в нем не было ни грамма.

Ну и пусть. Мне-то что за дело?! Я поднялась на ноги и пошла в сторону, где должен был находиться наш дом.

– погоди, не туда идешь. Я провожу тебя, – окликнул меня Сашка.

Уже хорошо. Честно сказать, я этого не ожидала.

Мы молча дошли до вишневого сада, сопровождаемые огромным Псом, который обладал необычайной способностью исчезать и появляться совершенно бесшумно. И, разумеется, так неожиданно, что я каждый раз вздрагивала, когда в мою ладонь вдруг тыкалось что-то мокрое.

– Дальше дойдешь сама, – буркнул белобрысый и опять нырнул в тень.

А вдруг со мной что-то не так? Почему мальчишки не хотят со мной общаться? Вдруг я веду себя странно, и они сторонятся меня?.. Но Сашка сам какой-то не от мира сего. И к чему история про Луну и Солнце?..

Я медленно-медленно потянула на себя входную дверь. Главное, чтобы не проснулись мама с папой, а то мне серьезно влетит. Дверь, к счастью, не скрипнула, и я почти беззвучно добралась до своей комнаты, где могла вздохнуть с искренним облегчением: кажется, обошлось.

Я зевнула. Так, посмотрим, что дал мне Сашка, и спать!

Я включила свет и, развернув листок, принялась читать убогие строки.

«Народ, прозванный таврами (это имя было дано ему греками предположительно в связи с жертвоприношениями Де-

ве – верховной богине древнего крымского населения), делился на две ветви. Первая, наиболее многочисленная и известная, поклонялась Солнцу – воплощенному образу богини. Те же греки утверждали, что тавры нередко обманывали путников, привлекая их к своему берегу, и без жалости приносили их в жертву. Подножие главного алтаря Девы, расположенного где-то на мысе Фиолент, частенько обагряла кровь не только быков, но и чужестранцев. Вторая ветвь, малоизвестная, представлена отступниками, поклонявшимися темному образу богини – Луне. По другим источникам, Луна считается сестрой Солнца и покровительствует магическим сакральным искусствам. – Споткнувшись на незнакомом слове «сакральным», я продолжила чтение: – Эта ветвь тавров отличалась особенной жестокостью. Особенно кровавыми были жертвоприношения, случавшиеся на полнолуние, когда, по их верованиям, богиня, называемая ими Великой Матерью или Белой Госпожой, полностью открывала свое лицо...»

Погодите! Я уже слышала что-то про Великую Мать!.. Не может быть... Я еще раз пробежала глазами весь текст. «Позже народ тавров был полностью истреблен или ассимилировал, – надо же, опять странное слово. – В пользу последней гипотезы говорят упоминания о таврах, относящиеся к I в. до н. э., где их часто называют тавроскифами. – Понятно, отметила я про себя, ассимиляция, должно быть, означает смешение народов, и продолжила чтение: – Талантливый ис-

следователь Крыма Петр Кеппен писал: «Мне кажется вероятным, что в жилах обитателей тех областей, что богаты находками дольменов, еще и теперь течет кровь древних строителей дольменов».

Да нет же, совершенная ерунда! Глупо думать о том, будто ветвь древнего народа сохранилась на этих землях и вот сейчас готовится принести нас в жертву своей бледнолицей богине. Просто быть такого не может! Скорее всего, Сашка подшутил надо мной и придумал всю эту историю просто так, чтобы попугать.

Как там говорит мама: утро вечера мудренее?.. Я положила листок на тумбочку и снова легла в кровать. Сон бежал от меня, а слабый свет луны, уголком заглядывающий в окно, почему-то казался таинственным и пугающим.

Не знаю, как долго я пролежала без сна, ворочаясь на застеленной свежим бельем кровати, прежде чем незаметно для себя провалилась в мир сновидений.

Во сне я поднималась по огромной винтовой лестнице к вершине высокой пирамиды, на которой стояла наша хозяйка Нинель Ивановна с огромным ножом для разделки мяса в руках.

– Я, конечно, не люблю любопытных девочек, – сказала она ласково, – но дело в том, что я **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО УМЕЮ ИХ ГОТОВИТЬ!**..

Тут же застучали барабаны, а я проснулась.

Глава 5

Лунное обострение

Монотонный стук в дверь (вот откуда странные барабаны!) наконец прекратился, и послышался бодрый мамин голос.

– Давай вставай, соня-засоня! Иришка-глупышка! А то, глядишь, весь день, как медведь в берлоге, проспишь!

Я потерла глаза и громко зевнула. Интересно, во сколько же я вчера заснула?..

– Да встаю уже, – крикнула я маме: все равно ведь не оставит в покое, несмотря на то что сейчас каникулы.

Нехотя сползая с кровати, я подошла к окну и вдохнула свежий, пахнувший травой и спелой вишней воздух. Радостно пели птицы – получился многоголосый птичий хор, жужжала лениво ползающая по подоконнику огромная муха. Солнце уже давным-давно взошло, и ночные страхи показались мне неуместными, ненастоящими. Права все-таки мама, никаких монстров и тому подобных вещей просто-напросто не существует. Вернее, существуют только на страницах моих любимых книг, а самым большим персональным ужасом для меня станут пять обязательных задачек по алгебре. Вспомнив об этом, я действительно испугалась и невольно поежилась. Хорошо бы все обошлось! Может же случиться в моей жизни чудо, и мама позабудет о наказании? Решение задачек

иначе, чем жестокое наказание, я, понятно, не воспринимала.

Одевшись, я вышла в кухоньку, где уже кипел на плите чайник, а на сковородке сердито шкварчала поджаривающаяся яичница.

– Ну как спалось? – спросил меня папа. – А я уже на рыбалку ходил, пока ты дрыхла!

Если учесть сегодняшний странный сон, спалось не очень, однако зачем пугать родителей – они у меня и без того нервные. Поэтому я пробормотала что-то типа «путем» и, сев за стол, придвинула к себе миску с вишней.

– Мам, а ты знаешь, что был такой народ, назывались таврами, который пленников в жертву своей богине приносил? – спросила я, выплевывая вишневую косточку.

– Да когда это было! – отмахнулась мама. И тут же опомнилась: – Лучше скажи мне, почему ты даже из истории выбираешь самые мрачные и кровавые страницы? Это что, мода такая у молодежи пошла?

– Ну... прикольно, – растерялась я. – А вообще я моде не следую. Я сама по себе. Личность!

– Вот что, личность, не забудь про свою сегодняшнюю норму, – мама налила в мой стакан кофе и шмякнула на тарелку яичницу. – Ешь давай, а то правильно Нинель Ивановна говорит: худющая, кости торчат.

Вот и заводи после этого со взрослыми разговоры! Обязательно на свою тему выведут. А чудес, однако, не бывает.

Пытаясь потянуть время перед тем, как браться за ненавистную алгебру, я долго ковырялась в яичнице, пока мама не раскусила мой хитрый план и не надавила на меня своим родительским авторитетом и обещанием после этого сразу же отправиться купаться.

Позанимавшись алгеброй, мы пошли к морю. Потом гуляли по городу. Магазины здесь немного, что объяснялось малочисленностью доезжающих до Луноморска туристов. Зато мы наткнулись на очень милую лавочку, где продавали красивые свечи – причем не заводские, а отлитые вручную, пряные аромамасла, статуэтки, большей частью изображающие красивую статную женщину с месяцем во лбу, каменные чаши и украшения. Продавщица – молодая грузинка, такая же внимательная и милая, как и все в округе, объяснила, что все эти предметы являются копиями старинных культовых предметов.

Маме очень понравились чаши, и она пообещала, что обязательно купит такие перед отъездом, а пока приобрела себе и мне одинаковые, вырезанные из дерева браслеты. На них так же были изображены луны. Любезная продавщица тут же позвала мастера, который их вырезал, и он дополнил браслеты первыми буквами наших имен. На моем он вырезал букву «I» – Ира, на мамином – «N» – Наташа.

– Спасибо за покупку! А вот подарок от фирмы! – сообщила продавщица, протягивая мне амулет в виде подвешенной на шнурочке луны. – Позвольте, я сама надену на девоч-

ку?

Я колебалась, вспоминая историю, рассказанную Сашкой.

– Конечно! – ответила за меня мама, широко улыбаясь продавщице. – И вам спасибо! Обязательно заглянем еще!

Тем временем женщина, выйдя из-за прилавка, надела на меня шнурок с подвеской, и ничего страшного не произошло. Обычное украшение, забавное.

Мы вышли из магазина, и, оглянувшись, я заметила, что продавщица наблюдает за нами. Вероятно, от скуки: других посетителей в ее лавке в этот момент все равно не было.

* * *

Весь день я выглядывала белобрысого Сашку, но его, как назло, нигде не было видно. Это все больше меня беспокоило. Кругом, конечно, настоящая идиллия, но мало ли что? Вдруг здесь все как в американских фильмах? На самом деле жители городка – фанатики и маньяки, и они убили Сашку или заточили его в мрачном подземелье, приковав к сырой стене тяжелой ржавой цепью?.. Может, он страдает сейчас, лишенный еды, воды и солнечного света, и запекшимися, растрескавшимися губами шепчет мое имя...

Луна сегодня была видна, наверное, часов с четырех пополудни. Это увеличивало мое беспокойство. Как и вчера ночью, она показалась мне живой, с холодным интересом наблюдающей за мной. Интересно, неужели то, что рассказал

Сашка, может быть правдой?

Когда мы собрались за ужином, к нам заглянула Нинель Ивановна, и я, наконец, не выдержала.

– А где тот белобрысый мальчик? Кажется, вы говорили, что его зовут Сашей? – спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно равнодушной: ну мало ли зачем мне он понадобился, может, просто интересуюсь. От скуки.

Хозяйка сверкнула темными колючими глазами, и мне вдруг подумалось: почему это толстых всегда считают добродушными? Странно, но я впервые заметила, какой у нее неприятный взгляд.

– А, Сашенька, – она тяжело вздохнула и, обращаясь уже почему-то к моей маме, продолжила: – Он ведь сирота. У нас его все так любят... так любят... Уж ему-то, горемычному, от жизни досталось. С тех пор как его родители как раз на полнолуние и погибли, бедняжка немного рассудком и тронулся.

– Как?! – испуганно вскинулась мама. – Здесь что, ходит сумасшедший?

– Нет-нет, – поспешила заверить ее хозяйка, еще раз тяжело вздохнув, – он тихий. У него вообще приступы только периодами случаются. Как раз на полнолуние.

– Тихий?! – переспросил папа. – А Иринка рассказывала, как он ее пугал: то стрелу в нее выпустил, едва не попал, то летучую мышь к двери ножом приколот...

Нинель Ивановна тяжело опустилась на стул, печально за-

скрипевший под немалым весом.

– Вы уж не сердчайте на сиротинушку. Должно быть, он, как увидел вашу дружную семью, о своих родителях вспомнил и совсем расстроился.

Ненавижу, когда говорят про дружную семью. Нет, дело вовсе не в том, что мы не дружные, но как-то это не по-настоящему, искусственно звучит.

Но маму, похоже, не смутила речь хозяйки. Напротив, она тут же закивала.

– И вправду, я слышала о таком по телевизору. Бедный мальчик! Какая тяжелая психологическая травма! Не мудрено, что он... – она смутилась и замолчала.

– Так что с ним сейчас? – спросил папа, пододвигая к хозяйке чашку с чаем.

– В больницу отвезли сердечного. Во время тяжелых приступов его в больницу отправлять приходится, – и она снова, уже в который раз за сегодня, громко вздохнула.

– Спасибо, – сказала я и встала из-за стола, не в силах больше видеть Нинель Ивановну. Она казалась мне какой-то фальшивой и очень противной. Может быть, виной тому ужасный сон, а может, и нет. Есть такой китайский божок Хотей – его нужно гладить по огромному брюху, чтобы у тебя были деньги, так вот, Нинель Ивановна была таким же Хотеем, только не добрым, а злым.

– Что же у вас дочка такая худенькая! – послышался мне вслед голос хозяйки. – Со здоровьем-то у нее в порядке?

– Спасибо, не жалуемся, – ответила мама, и они заговорили о чем-то другом.

А я прошла в свою комнату и проверила наличие странички, которую дал мне вчера Саша. Страничка, к счастью, была на месте. Вот оно – доказательство! Ну погодите еще, я всех разоблачу и спасу Сашу, которого насильно заточили в сумасшедший дом!

Когда Нинель Ивановна наконец ушла, я честно рассказала маме с папой про разговор с Сашкой. И про Луну с Солнцем, и про страничку про тавров – всё.

– Так вот, думаю, они запрятали Сашу в сумасшедший дом для того, чтобы он не смог предупредить нас. Он не такой, как они, – закончила свою речь я.

И тут мама вздохнула. Совсем как Нинель Ивановна.

– Горе ты мое луковое, – сказала она, глядя меня по голове. – Опять перепутала реальность и сказки. Саша действительно отличается от других... и в этом не его вина, скорее беда. Не будем строгими к больному мальчику, к тому же у него, как и у тебя, богатое воображение. Больные люди часто считают, будто окружены врагами. А еще подумай: мог ли нормальный мальчик убить летучую мышь? Нормально это – убивать животных?

– Но теперь-то ты мне поверила, что я и вправду видела мышь? И стрелу? – уточнила я. – В прошлый раз ты говорила, что это у меня богатое воображение.

– Да, теперь поверила, – согласилась мама. – Тогда я не

знала, что мальчик... что у мальчика... Хотя это, конечно, не оправдывает патологической жестокости. Если его... выпустят, на всякий случай держись от него подальше. Ты мне обещаешь?..

Мамины слова разрушили все мои хрупкие доказательства. Даже печатный листок, доставшийся мне от Сашки, потерял свое значение: ну написано там про какое-то древнее племя, ну и что с того?.. А Сашка и вправду странный. И невоспитанный. И как я могла повестись на его байки? Небось пугал меня и сам радовался. Вот и не жалко мне его. Пусть сидит в своей больнице. Может, там его хоть каким-то манерам научат.

После ужина, по-быстрому искупавшись, я пошла к дому, где жил Сашка. Он так и не появился, зато в сад соседнего дома вышла симпатичная тоненькая и загорелая девочка лет двенадцати на вид. Светлые волосы, рассыпанные по плечам, отсвечивали в лучах заходящего солнца золотом и с виду казались мягче пуха. У девочки было нежное кроткое личико и такие огромные, цвета прогретого солнцем моря глаза, что она показалась мне ангелом.

– Привет! – окликнула я ее, подходя поближе. – Меня зовут Ира. Я здесь отдыхаю, а ты?

Девочка посмотрела на меня с испугом и промолчала.

– Эй, ты что, немая? – снова спросила я. – Как тебя зовут?

– Ма-ша, – по складам произнесла девочка и снова замол-

чала.

– Ты, Ма-ша, здесь живешь?

Странная девочка. Словно маленько тормознутая. Маша подняла на меня огромные лучистые глаза.

– Жи-ву, – согласилась она, склонив голову набок.

Видя, что особого толку от нее не добьешься, я решила перейти сразу к делу.

– Ты знаешь Сашу? Ну, мальчишка такой... белобрысый... Вон в том доме живет? – для доходчивости я показала рукой.

– В до-ме, – повторила девочка. – В доме живет Муд-ра-я.

Мудрая?! Та старуха с пронзительными сумасшедшими глазами, бабушка Сашки, и есть Мудрая?

Девочка все больше пугала меня. Она была похожа на механическую куклу – красивую, но абсолютно неживую. Вот закончилась батарейка, и она застыла, глядя на меня громадными пустыми глазами.

– Ладно, я пойду... – сказала я, пятясь от куклы Маши.

– Она видит тебя. Она ждет тебя. Время, время... – вдруг заговорила девочка, чуть раскачиваясь из стороны в сторону.

Невероятное зрелище, забыть просто невозможно: громадная луна, монотонный голос, круглые безжизненные глаза на красивом кукольном личике...

Господи! Да здесь все сумасшедшие!

Зажав руками уши, я побежала прочь и бежала, пока совсем не выбилась из сил, а потом упала на жесткую сухую

траву, которой порос нависший над морем склон, и долго лежала, не решаясь даже пошевелиться.

Огромный безумный глаз луны наблюдал за мной. Я ощущала его буквально физически.

Страх терзал меня тончайшими колючками, вцепившись в сердце, как репей. «Время... время...» – будто повторял за странной девочкой морской прибой. Шумел ветер, растрепывая мне волосы, проводя холодной шершавой ладонью по открытым плечам. Как же здесь холодно! Как страшно! И почему мы сразу не догадались, что этот идеальный чистенький город с улыбочивыми милыми жителями не может быть настоящим?

Постойте, но если они все ненормальные, значит, Сашка как раз нормален?! Он же пытался предупредить нас с самого начала, только мы ему не верили! Наверное, эти люди и вправду сделали с ним что-то плохое. Или еще не сделали, и можно попытаться его спасти.

Я села и, прижав колени к груди, съежившись, постаралась немного согреться и подумать.

Так и представляю наш с мамой разговор. Приду и расскажу ей про кукольную девочку, и про сон с участием нашей хозяйки, и про луну, которая все время следит за мной с неба хищным злым глазом. И что скажет мама? Правильно, что я опять выдумываю. Это в лучшем случае. А в худшем решит, будто я двинулась умом. Что же делать?

От холода и, чего уж там скрывать, страха у меня зуб на

зуб не попадал. Чертова луна! Как она меня раздражала! Наверное, сейчас я предпочла бы самую темную ночь — лишь бы закончился весь этот ужас.

А что если сумасшедшая здесь все-таки я? Вот приехала — и сдвинулась, придумав для себя страшную сказку и, хуже того, полностью поверив в нее?.. А вдруг на самом деле ничего нет и, возможно, даже не было? Ни странного городка, ни девочки с остановившимся взглядом, ни Сашки? Что, если я заснула в машине и мы сейчас все еще едем по горной дороге?

Я поднесла руку ко рту и с силой прикусила кожу. Больно! Если это и сон, то весьма правдоподобный. Наверное, это луна пугает меня и навевает странные мысли. Пора возвращаться домой, покуда родители не подняли тревогу, а завтра, уже с новыми силами, придумать, как найти и освободить Сашку. Родители, конечно, поверят, когда я приведу его к ним и он расскажет, как все происходило на самом деле. И тогда мы уедем отсюда. И никто не сможет причинить нам вред.

Я поднялась на ноги, отряхнулась и быстро зашагала в направлении, где должен находиться наш дом.

Глава 6

Просто я работаю спасателем...

Мама с папой и вправду уже вовсю искали меня. Но вдаваться в объяснения я не стала. Буркнула, что гуляла, и отправилась в свою комнату.

Однако со сном оказались нелады. Я ворочалась как заведенная. Свет луны сегодня легко проникал сквозь ветви вишневых деревьев и льнул к щеке, словно настырная жирная муха. Простыни были слишком жаркими. А воздух – тяжелый и влажный – с трудом проходил через горло.

Кроме того, вскоре мне почудилось странное пение. Будто где-то далеко пел хор – без музыки, протяжно и уныло. Песня звучала где-то на грани восприятия, порой мне казалось, что она всего лишь мерещится мне. Унылая мелодия, то и дело повторяющаяся, напоминала морской прибой. Она то накрывала с головой, то отступала.

– Что же это такое?! – шептала я, поворачиваясь на скоканной простыне. – Что же здесь все-таки происходит?..

Что-то жгло грудь. Сунув руку под ночнушку, я нащупала медальон в виде луны, подаренный продавщицей-грузинкой. Сейчас медальон отчего-то нагрелся. Я с раздражением сорвала его с шеи и, приоткрыв окно, выкинула на улицу.

Ничего мне от них не нужно! Ничего! Лишь бы самой убраться подальше!

Как будто стало легче. Только заснуть все равно не получалось.

До самого рассвета я боролась с собой в надежде, что мне все-таки удастся заснуть, но часов в пять, когда запели ранние птицы, а ужасный глаз луны перестал пялиться на меня с такой тупой откровенностью, я сдалась и встала с кровати.

Приближался восход солнца. Тихонько выскользнув во двор, в сероватом предутреннем свете я знакомой дорогой направилась к Сашкиному дому. Городок еще спал. План мой был идеален в своей простоте. Сейчас, пока все тихо, пройду вокруг его дома и загляну в окна. Если Сашка внутри, есть шанс, что я его замечу. Главное, чтобы Пес пропустил. Впрочем, для него у меня имелся подарок – половинка свиного языка, выуженная из холодильника и завернутая в уже промокшую от сока и жира салфетку. Если вспомнить размеры Пса, кусок казался совсем небольшим, но, надеюсь, главное для него не подарок, а внимание. И вообще, я бы на его месте доверяла такой хорошей девочке.

Занятая подобными мыслями, я приблизилась к нужному дому и остановилась у забора. Пес негромко и хрипло гавкнул, тут же узнал меня и подошел, изо всей силы виляя лохматым хвостом. Если бы не разделяющий нас забор, он, чего доброго, еще кинулся бы лизаться.

– Привет, Пес, – сказала я собаке и, развернув салфетку, протянула на открытой ладони угощение.

Громадный зверь взял мясо, заодно обмусолив шершавым

горячим языком мою руку. Один глоток – и подачки как не бывало.

– На здоровье, – я с надеждой поглядела на Пса. Со здоровьем у него явно все в порядке. – Ты же меняпустишь, правда? Ты хорошая собака?..

Пес лизнул мою руку – то ли подтверждая, что он действительно хороший, то ли еще чувствуя аппетитный запах свиного языка и надеясь на новое подношение.

– Я тебе потом принесу. Честно-честно, – пообещала я и взялась за калитку.

Щеколда у калитки была совсем слабая, и калитка распахнулась. Пес не издал ни звука, и я, вздохнув с облегчением, вступила в чужой двор.

«Я только посмотрю – и все. Заглянуть в окна – это же совсем не страшно», – убеждала я себя.

Шаг за шагом я подходила все ближе и ближе к небольшому ухоженному дому. Спина подозрительно намокла. Я вообще-то почти не потею, даже на физкультуре, но тут чувствовала, что пот льется градом, противными струйками стекает по спине...

Из-за волнения я едва не пропустила момент, когда входная дверь вдруг распахнулась. Еле-еле успела спрятаться за кустом смородины до того, как на улице появилась старуха. Сегодня она показалась мне еще безумнее. Глаза широко раскрыты, но они словно глаза сомнамбулы, погруженной в глубокий сон, такие же пустые и неподвижные. Старуха

прошла совсем близко от меня, бормоча себе под нос что-то непонятное, похожее на молитву.

Пес проводил ее настороженным взглядом, но она не обратила на него внимания. Неужели они не очень ладят? К чему бы, Сашка же говорил, что зверь добродушный?.. Тем временем Пес устремился обратно ко мне, ткнувшись мокрым носом в плечо. Я замерла, косясь на старуху: неужели он меня выдаст?..

«Пусть он уйдет! Пусть она меня не заметит!» – как заклинание, повторяла я.

Мне действительно повезло. Тихий стук калитки слился с радостным стуком моего сердца: старуха ушла!

– Давай, Пес, гулять! – велела я, стараясь, чтобы голос звучал как команда.

Преданные собачьи глаза вопросительно взглянули на меня, а хвост на всякий случай опять пришел в движение, больше всего напоминая в этот момент огромную лохматую метелку.

– Гулять! – повторила я подтвержде, и собака, видимо, поняла меня или вспомнила о каких-нибудь неотложных собачьих делах. Главное, что я опять осталась одна.

Я огляделась. Никого. Соседние дома молчали. В это время их обитатели должны досматривать десятый сон. Это только я шляюсь по чужому городу ни свет ни заря. Нормальные люди еще спят. Впрочем, о чем это я? В городе как раз полным-полно ненормальных, так что лучше не рисковать.

Вдруг кто-нибудь увидит, как брожу вокруг окон старухино-го дома. А хозяйка, между прочим, ушла и дверь не закрыла. Вроде бы не закрыла. Может, мне лучше войти внутрь и все быстренько проверить?.. Если дверь открыта – войду. Нет – ухожу.

Решив это, я шагнула на крыльцо. Дверь оказалась откры-та.

Я остановилась, собираясь с силами и... шагнула.

На застекленной веранде дома густо пахло сухими трава-ми. Они висели вокруг огромными душистыми вязанками. На прибитой к стене полке стояли глиняные горшочки. Из любопытства я приподняла крышку одного из них и увидела внутри густую мазь.

«А старуха-то, наверное, колдунья! – догадалась я, не к месту вспоминая сказку про Ганселя и Гретель. – Надеюсь, у нее хотя бы печи нет».

Осмотр дома не занял у меня много времени. Здесь почти совсем не было вещей. Правда, в одной из комнат обнару-жился странный предмет – вырезанная из куска белого кам-ня фигурка женщины. Мне показалось, что она очень ста-рая. У женщины было круглое лицо и закрытые лунообраз-ные глаза. Сложенные на огромной груди пухлые руки напо-минали позу то ли спящего, то ли умершего.

Статуэтка почему-то производила такое омерзительное впечатление, что я поспешила выйти из комнаты. Мне каза-

лось, что ужасная женщина следит за мной сквозь опущенные веки.

А вот другая комната наверняка принадлежала Сашке. Небольшой диван, полки, все заставленные книгами, на столе – старенький компьютер с крохотным монитором (такие сейчас и не делают). На столе лежала книга про капитана Блада.

Глядя на все это, я невольно улыбнулась. Казалось, Сашка только что вышел из комнаты и вот-вот вернется, чтобы дочитать про удивительные приключения отважного капитана и красавицы Арабеллы.

Ну разве он может быть сумасшедшим?! Нет и еще раз нет! Тогда куда же они его дели? Неужели и вправду заперли в больницу? Может, у этих чокнутых есть специальная больница, куда они запирают всех нормальных людей?.. Я осмотрела уже все комнаты... Хотя... В таких домах наверняка бывают подвалы. Тем более если старуха – ведьма. Что, если у нее есть подвал, где стоит огромный котел, в котором она...

«Стоп! – скомандовала я себе, чувствуя, что еще немного, и я напугаю себя до дрожи в коленках. – В конце концов, я главная героиня. А во всех ужастиках с главной героиней не случается ничего плохого».

Выглянув в окно и убедившись, что старуха не возвратилась, я принялась искать вход в подвал. Люк действительно обнаружился в старухиной спальне – той самой комнате с ужасным идолом. Под тяжелым слепым взглядом скульпту-

ры я отодвинула большой сундук и потянула за кольцо скрытого в полу люка.

Люк открылся неожиданно легко. Внизу тьма. Тьма самой глубокой ночи.

– Эй! – крикнула я вниз. – Ты там?..

С полминуты все было тихо, а потом послышался легкий шум и недовольный голос отозвался.

– Я-то да, а что здесь делаешь ТЫ?

Вот так и спасай кого-нибудь. Людская благодарность вообще чувство очень трогательное. И редкое.

– Как это что делаю? – удивилась я. – Тебя спасаю, если ты не понял!

– Я же сказал тебе: уезжай из города!

Наверное, у Сашки был строго определенный набор фраз, и его программа пошла по второму кругу. Нечто подобное я уже когда-то от него слышала.

– И кто бы тебя спас, если бы я уехала? – прокричала я в темноту, встав на колени перед люком.

Интересный у нас получался диалог.

– А меня и спасать не нужно! – ответил Сашка. – Я, между прочим, у себя дома. А вот зачем ты сюда пришла – совершенно непонятно!

От подобной наглости я на миг онемела.

– Как это у себя дома?! – наконец смогла проговорить я. – Ты хочешь сказать, что сидишь в подвале ты просто потому, что тебе нравится?!

– Это мой дом! Где хочу, там и сижу! – тут же отозвался белобрысый.

Мне захотелось прямо-таки поаплодировать его наглости.

– Значит, тебе там так нравится, что ты залез туда, закрыл за собой люк и еще сундук сверху придвинул? Для большего кайфа, да? – Сашка молча сопел где-то в темноте. – Ну тогда, – продолжила я, – мне тоже здесь нравится и я не уйду отсюда, пока ты не вылезешь.

– Дай руку, – кажется, его голос немного потеплел.

Я протянула вниз руку, и вокруг нее тут же сомкнулись холодные пальцы.

– А не боишься, что я утяну тебя сюда, в подвал? – поинтересовался Сашка, выбираясь на поверхность.

Шутка была вполне в его духе. Дурацкая.

– Я рада, что с тобой все в порядке, – отозвалась я, – по крайней мере, убийственное чувство юмора тебе не изменяет.

Вылезший из подвала Сашка был всклокочен и отчаянно лязгал зубами. Потертые старые джинсы и растянутая бледно-голубая майка явно не защищали от холода, царящего в подzemелье. Сразу видно, что не на курорте побывал. Но в том и весь юмор: я-то на курорте, а тоже впору забиться куда-нибудь и лязгать в свое удовольствие зубами. Пока за мной не придут.

– Пойдем, – проговорил Сашка, немного придя в себя. – Бабки нет? Она наверняка в своей пещере. Готовится...

– К чему? – спросила я, ощущая, как по спине действительно пробежали ледяные мурашки.

– Некогда сейчас болтать, – отрезал он. – Хочешь, чтобы она вернулась и застала нас здесь?..

Глупый вопрос. Я поспешно замотала головой, и Сашка осторожно подошел к окну и поглядел на улицу.

– Кажется, никого, – сказал он, – за мной!

Он крался к входной двери как индеец, подкрадывающийся к лагерю бледнолицых. Я шла за ним, невольно тоже пристав на цыпочки, будто мы могли разбудить кого-то в пустом доме.

Вот мальчишка остановился и, приоткрыв дверь, осторожно высунул наружу лохматую голову.

– Тихо. Идем, – обернулся он ко мне.

Мы вышли, и, разумеется, на нас тут же набросился Пес. Упустить такой прекрасный случай облизать кого-нибудь он просто не мог. Между прочим, не слишком приятно, когда на тебя прыгает такая туша. А еще визжит от радости и лижется.

– Сидеть! – прикрикнул на собаку Сашка и для остротки даже щелкнул ее по чувствительному носу.

Пес обиженно заскулил.

– Хороший. Я тебе потом вкусенького принесу, – тихо, чтобы не расслышал Сашка, пообещала я собаке.

И Пес, который, кажется, в принципе не умел надолго обижаться, снова радостно завилял хвостом.

– Не отставай! – шикнул на меня мальчишка, уже добравшийся до калитки.

Мы вышли на улицу и побежали прочь. Разумеется, огородами, а вовсе не по главной улице, как кто-нибудь мог подумать.

В этом затерянном местечке куда ни побежишь, попадаешь либо к морю, либо в горы. Поэтому ничего удивительного в том, что вскоре мы оказались на гористом морском берегу. Сашка еще раз огляделся и, кивнув мне, присел на камень отдышаться.

Я тяжело опустилась рядом. Физическая подготовка никогда не была моей сильной стороной. Как и алгебра, если уж говорить честно.

– Ну теперь рассказывай, – потребовала я, когда, наконец, мне удалось выровнять дыхание. – Кто тебя запер и что у вас вообще происходит?

Сашка замялся, глядя куда-то себе под ноги.

– Понимаешь, мы здесь живем сами по себе. Давно. Я бы сказал, что с незапамятных времен. И у нас есть... гmmm... определенные... традиции. Моя бабушка, она, в общем...

– Колдунья? – подсказала я.

Сашка кивнул:

– Что-то вроде того. Хранительница рода. Мы живем здесь как будто на самом краю мира. Думаю, таких, как мы, больше нет нигде...

«И не надо», – хотела добавить я, но вовремя удержалась.

– Бабушка говорит, что мы – истинные дети Луны. Помнишь, я тебе рассказывал, – продолжил Сашка, наконец-то посмотрев на меня, и я кивнула: да, помню. – Только вот в последнее время все у нас стало плохо. Ты, наверное, сама видела, как здесь мало детей, а многие из тех, что все-таки рождаются, либо живут недолго, либо того... – он покрутил пальцем у виска.

И я снова кивнула, вспоминая кукольную девочку Машу.

– В общем, они решили, что богиня отвернулась от них и ее нужно умиловать...

Я молчала. Сказать было нечего.

– А я хотел предупредить, но не мог сказать прямо. Я все-таки... Ну ты понимаешь? Здесь мой дом. Другого у меня нет...

– И бабушка посадила тебя в подвал за то, что ты рассказал обо всем мне? Ты ради меня рисковал?

– Ну не то чтобы очень, – смутился он, – что бы со мной сделали? Ну подержали пару дней, а потом все равно бы выпустили.

В общем, все было понятно. Кроме одного.

– И... что мне теперь делать? – спросила я.

Наверное, это все нервы, но мне казалось, что даже сейчас, средь бела дня, за мной неотрывно наблюдает бледный глаз луны. Я чувствовала его затылком. А может, дело в том, что я просто-напросто не выспалась этой ночью?..

– Сегодня, – тихо произнес Сашка. – Все должно случить-

ся сегодня. Очень жаль, что ты не уехала раньше... Хотя... возможно, еще не поздно. Если прямо сейчас...

Я вскочила на ноги:

– Пойдем. Заберем моих папу и маму – и прочь отсюда. А ты поедешь с нами. Когда мама узнает, что ты нас спас, она совсем не будет против, чтобы ты жил с нами, – я старалась говорить уверенно. Скорее всего, убедить папу и маму в том, что это не мои фантазии, окажется очень трудно. Они опять подумают, что дело в моем буйном воображении. Им потребуются доказательства. Интересно, какие? Может быть, моя кровь на алтаре?... Это станет достаточным доказательством?

– Ты знаешь, где находится пещера, в которой они собирались?... – спросила я Сашку. В моей голове уже начал складываться план.

– Знаю, хотя никогда внутри не был. Богине должны служить только женщины... Хорошо, что я не родился девчонкой, иначе бы бабушка... Погоди, – он остановился так резко, что я едва не налетела на него. – Ты же не собираешься идти туда?!

– Мои родители потребуют доказательств. Нинель Ивановна сказала, будто ты того... ну больной, и вроде тебя даже в сумасшедший дом заперли. Они не поверят нам просто так, а если мы покажем пещеру... Там, наверное, должны быть всякие штуки... ну... жертвенный камень, к примеру. Или огромный котел... – Я вспомнила фильм про Индиану Джонса и затерянный храм, где собирались принести кого-то

в жертву. Никогда не думала, что нечто подобное может произойти со мной!..

– Да, – неуверенно произнес Сашка, – там должна быть статуя богини. И камень. Однако... Бабушка очень опасна. Ее силы превышают... ну, обычные. Особенно в полнолуние.

– Так мы не будем ждать, пока наступит ночь! – воскликнула я. – Прямо сейчас пойдем к маме с папой и покажем им то место. Тогда они поверят нам, и мы сможем уехать из этого города еще до того, как взойдет полная луна.

– Она и сейчас над нами, она смотрит на нас, – голос Сашки был тих, но мне показалось, будто совсем рядом грянул гром.

Тот взгляд, что я ощущаю на себе почти постоянно! Значит, это не просто так. Опасность даже больше, чем я только могла себе представить.

– Впрочем, если бабушка еще не поняла, что я сбежал, а ты узнала обо всем... возможно, у нас есть шанс. По крайней мере, стоит попробовать, – Сашка хмуро взглянул на меня.

Сидеть и ждать, пока за мной придут, чтобы умилистить моей кровью богиню и послужить на благо загнивающему жалкому роду, живущему... как там сказал Сашка? – в общем, где-то на отшибе, – я вовсе не собиралась. Ну разумеется, попробовать стоит. Еще как стоит! Я должна поговорить с родителями и во что бы то ни стало доказать им правоту моих слов. Как же мне надоело то, что мне никто не верит! Сегодня или никогда! Либо мне удастся убедить

их и, с помощью Сашки, представить требуемые доказательства, либо мне уже никогда никто не поверит. Пусть же все решится сейчас! Мама с папой должны принять всерьез тот факт, что их единственной дочери и им самим угрожает реальная опасность!

– Пойдем! – повторила я, и мы снова зашагали к дому, где остались мои мама и папа. Они – родные для меня люди, и все-таки я всегда могу на них положиться. Раньше я просто сама не была уверена, что здесь происходит. А теперь мне, конечно, удастся убедить их. И мы уедем – все втроем. Нет, вчетвером. С Сашкой. Характер у него не сахарный, но при такой-то бабушке... Ладно, мама перевоспитает. Она у меня такая, что перевоспитает кого хочешь!

– Слушай, – сказала я Сашке, пока мы еще не добрались до дома, – а что с той мышью? Зачем ты убил ее?

– С какой мышью? – удивленно переспросил он.

– Ну с летучей. Вспомни, ты повесил ее на нашу дверь.

– А!.. – Сашка засмеялся. – Да не убивал я ее! Просто нашел дохлую, уже высохшую мышь и решил использовать... во благо.

Я хмыкнула.

– А кровь?

– Краска, – признался он, – я решил, что так страшнее. А ты ведь и вправду испугалась!

– Ну не то чтоб очень, – соврала я, и Сашка ничего не ответил, хотя, кажется, все прекрасно понял.

Проскользнув по улицам пробуждающегося городка... сколько же сейчас времени: шесть? семь? восемь?... — мы, миная калитку, выбрались к вишневому саду.

Запах вишни показался мне сегодня запахом крови. Несмотря на ранний час, было жарко, вернее — душно. Тяжелый застывший воздух обжигал мои легкие.

— Стой здесь, — велела я Сашка. — Я сейчас... подготовлю родителей...

Не заявляться же к ним с самого утра в компании того, кого они считают опасным сумасшедшим.

— Отойди от него, Ира! Я тебе говорю: немедленно отойди от него!

Мамин голос был холоден и спокоен, но я слышала скрытые от постороннего уха тревожные нотки.

— Мам!.. — я обернулась к ней, пытаюсь изобразить на непослушных губах улыбку.

Наверное, получилось не очень, потому что она еще больше нахмурилась. Напряженное лицо и чуть сдвинутые брови не сулили ничего хорошего.

— Та-ак... А это, как понимаю, ТОТ мальчик... — она смотрела на Сашку так, словно перед ней была гадюка. Или смертельно опасный микроб.

— Все в порядке, — я развела руками, словно в подтверждение своих слов. — Да, это Саша. Не бойся...

Мне показалось или за деревьями и вправду промелькнул

силуэт? Если Нинель Ивановна бдит и засекла нас – будет беда. Скорее уводить отсюда Сашку. Немедленно! Почему же у героев книг и фильмов все всегда получается легко?!

– Мам, можно мы зайдем в дом? – я снова попыталась улыбнуться. – Нам нужно рассказать кое о чем тебе и папе... Вернее, предупредить. Это не мои фантазии, пожалуйста, отнесись к тому, что я говорю, серьезно! Ну поверь мне! Хотя бы один-единственный раз! Очень прошу!

Сложив на груди руки в умоляющем жесте – глупая детская привычка, так и не изжитая мной до сих пор, – я смотрела прямо в ее глаза.

И мамины глаза потеплели.

– Ну хорошо, Ирина, если это действительно для тебя важно...

Пока мы шли к домику – молча, как на параде, я внимательно смотрела вокруг. Хозяйки нигде не видно. Сомневаюсь, что она сумела спрятаться за деревом – габариты не те. Выходит, мне все-таки померещилось. Надеюсь, что так.

– Вот, полюбуйся, – сказала мама, открывая дверь нашего дома.

Папа как раз наливал себе кофе, но при виде Сашки плеснул воду вместо чашки на стол.

– У-у-у! – взвыл он, дуя на ошпаренную левую руку.

Мама молчала.

– Сейчас я все объясню, – пообещала я и, выглянув за дверь, чтобы еще раз убедиться, что поблизости никого нет,

плотно закрыла ее. – Саша вовсе не сумасшедший. Вернее, все как раз наоборот, – начала я с самого главного и, добившись внимания слушателей, продолжила: – Не перебивайте меня. Это кажется совершенно нелепым, но жители этого города – сумасшедшие. Они поклоняются странной богине и, кажется, хотят принести ей нас в жертву.

– Только тебя, – буркнул Сашка.

– Какая чушь! – мама от возмущения даже всплеснула руками. – Это вы так играете, ведь правда?

– Мы не играем, – резко ответила я. Убедить маму показалось мне действительно очень важным. Взрослые на самом деле очень не любят слышать правду и часто прячутся за пустыми, ничего не значащими словами, делая вид, будто все, что происходит вокруг, – всего лишь игра, фантазия, выдумка.

– И я не сумасшедший, – тут же добавил Сашка. – Моя бабушка – хранительница рода, который живет здесь. И на самом деле мы уже, кажется, несколько сотен лет не приносили человеческие жертвы. Но теперь, когда все ухудшилось, она решила, будто богиня отвернулась от нас и надо умиловать ее так, как это делали прежде.

– Разве вы не обращали внимание, какие все здесь странные?! А эта липкая сахарная любезность?! Видно же, что она не настоящая! – я горячилась, понимая, как невероятно звучат слова Сашки. Главное – убедить моих родителей хотя бы посмотреть на ту пещеру!

– Ну да, они и вправду странноваты... – неуверенно начала мама.

– Вот! – перебила я ее. – А еще ты заметила, что у них почти нет детей, а какие есть – все тю-тю, с приветом!.. Кроме Сашки, конечно, – поспешно добавила я, заметив его взгляд, искоса брошенный на меня.

– Но этого недостаточно, чтобы обвинять людей черт знает в чем! – воскликнула мама.

Папа все дул на обожженные пальцы и смотрел на нас скептически.

– Я... то есть он, – для убедительности я ткнула пальцем в сторону Сашки, – может доказать свои слова. У них есть пещера, где стоит их идол!

Мама с папой переглянулись.

– Знаешь, дорогой, а я им почти верю. И вправду все вокруг какие-то приторные, лживые. А еще сегодня ночью я слышала странную песню...

Папа хмыкнул.

– Песню?! – оживилась я. – Да! Я тоже слышала. Необычная такая мелодия, то нарастала, то почти совсем исчезала...

– Точно, – мама вздрогнула, – было в ней что-то такое... чужое... мерзкое...

Папа перестал дуть на руку и вопросительно взглянул на маму:

– Ну знаешь ли, дорогая, я ничего не слышал.

– Еще бы. Ты так храпел, что это вовсе не удивительно, –

отрезала она. – И вообще. Ира – наша дочь, мы должны доверять ей.

Я едва могла поверить собственным ушам. Почаще бы так!

– Хорошо, – сдался папа, – что может быть полезней утренней прогулки, раз уж вы так хотите на нее отправиться.

Ура! Мы с Сашкой обменялись быстрыми взглядами. Полдела сделано.

– Только мы пойдем не через калитку. Чтобы Нинель Ивановна нас не увидела. Хорошо? – уточнила я.

Родители неохотно кивнули, и мы двинулись в путь.

– Саша, а ты учишься? – спросила мама, пока мы шли за ним какими-то окольными тропами.

– Нет.

Мама с папой многозначительно переглянулись.

– Сейчас каникулы, – флегматично пояснил белобрысый, и я, не удержавшись, хихикнула, за что тут же получила укоризненный мамин взгляд.

– А вообще, – продолжил Сашка, – конечно, да. Всех тех, кто учится в школе, дядя Эдик отвозит и забирает на своей «Газели». У него дела в соседнем городе.

– И как ты учишься? – не отставала с расспросами мама.

– Нормально, – пожал загорелыми плечами мальчик. – А вы так спрашиваете, словно сами собираетесь меня в жертву принести.

– А при чем здесь жертва? – удивилась мама.

– Как это «при чем»: абы кого в жертву богам не приносят, – авторитетно пояснил он. – Нужно, чтобы у жертвы не было душевных и физических изъянов. Например, если двоечник, сразу можно подумать, не debil ли...

– Постойте! – Я замерла, пораженная внезапной мыслью. – Так Нинель Ивановна меня о школе и здоровье не просто так спрашивала?..

– Глупости, – отмахнулась мама, – все взрослые спрашивают детей о школе и о здоровье.

Саша опять пожал плечами и взглянул на маму, признавая за ней главенство над нашей маленькой экспедицией:

– Идем дальше?

Она вздохнула, кивнула, и мы пошли.

Я плелась позади всех, понутив голову. На душе было очень скверно. «Ничего, поправится», – говорила наша радушная хозяйка, подсовывая мне очередной ароматный, буквально тающий во рту пирожок с вишней. Она откармливала меня как поросенка, которого готовят к рождественскому столу!

– Ира, не отставай! – крикнул мне отец.

Я молча кивнула. В горле стоял противный комок.

Остальные тоже приумолкли. Говорить было не о чем. Тропинка, ведущая к вершине горы, была узкой и круто поднималась вверх, петляя между скалистыми горными выступами. Вокруг нее стелилась низкая колючая трава, вся выгоревшая от солнца, кое-где яркими пятнами пестрели цве-

ты и что-то похожее то ли на мох, то ли на лишайник – ярко-желтые, сиреневые и белые вкрапления. Идти было сложно, несколько раз мы останавливались передохнуть, и Сашка ждал нас, безмолвно стоя на краю тропинки и всем видом торопя продолжать путь. Видно, что подъем давался ему легко – у него даже не сбилось дыхание.

– И как они сюда вообще поднимаются?! – не выдержала мама, имея в виду жителей городка.

– Храм должен находиться высоко в горах, близко к небу, а значит, к богине. Жители гор привыкают к подъемам с детства, так что дойти до святилища без труда могут и дети, и старики, – объяснил Сашка, и мы пошли дальше.

Наконец он остановился.

– Теперь вот по этой терраске – направо. Там будет пещера, – сказал он.

Горы в этих местах были старыми и слоистыми, как пирог с кремом, который печет на Новый год мама. А еще они напоминали пирамидку или огромную лестницу, приспособленную для каких-нибудь великанов.

Вслед за Сашкой мы пошли по терраске – так он назвал одну из ступеней-выступов.

– Прибыли. Нам сюда.

Пока он не указал рукой на вход в пещеру, я упорно не замечала его, так удачно он располагался, скрытый от посторонних глаз огромным поросшим мохом валуном.

Стоя у входа в пещеру, я оглянулась и увидела лежа-

щий в низине город: аккуратненькие игрушечные дома с ярко-оранжевыми крышами, зеленые квадратики садов, прямые линии улиц... Казалось, это крохотная волшебная страна, где живет народец фей – крохотные, примерно с ноготок человечки. Идиллию картины нарушал лишь обращенный на меня сверху взгляд – недобрый, ожидающий... голодный.

Их божество жаждало моей крови, как ребенок сладостей, – так же жадно и неприкрыто-откровенно.

– Сюда? – недоверчиво переспросила мама, заглядывая в полумрак пещеры.

– Сюда, – кивнул Сашка. – Я пойду первым, – и тут же исчез в проеме, напомнившем открытый голодный рот.

Сердце болезненно сжалось. Может, не входить? Может, лучше держаться от этого места подальше?... Нет, поздно. Все уже скрылись в пещере.

Я судорожно вздохнула и вошла вслед за ними.

Глава 7

Полнолуние

Пещера была довольно большой. Первое, что поразило меня, – огромное количество оплывших свечей по всему периметру. Обильные восковые подтеки на стенах свидетельствовали о том, что жгут свечи здесь давно и часто. В воздухе, кстати, витал запах разогретого воска и каких-то незнакомых пряных трав. Я принялась обходить пещеру, завороченно глядя на темные стены, испещренные странными символами и узорами.

– Что это? – спросила мама, видно, не до конца верящая в реальность происходящего.

– Здесь собираются жители города, пока бабушка и ее помощницы находятся в святилище, – Сашка указал в сторону темного угла.

И, только подойдя ближе, я обнаружила, что в стене имеется завешенный темной бархатистой тканью проход.

– Туда могут входить только женщины, избранные богиней, – предупредил мальчик.

– Чушь какая! Мы должны это увидеть! – твердо сказал папа и рывком отдернул край портьеры.

Я сделала еще шаг и заглянула за его плечо.

Вход вел во вторую пещеру, гораздо меньше прежней. Центральное место в ней занимал огромный черный камень,

положенный перед провалом. У камня стояла большая круглая чаша – кажется, серебряная – и лежали свежесрезанные цветы.

– Что за черт?! – выдохнул папа, входя в святилище.

Мы с мамой шагнули туда вслед за ним, а Сашка остался ждать нас в большой пещере.

Здесь запах пряных трав усилился настолько, что у меня сразу же заболела голова. Я покачнулась. Возможно, сказывалась бессонная ночь. Я медленно подошла к алтарю. Теперь не оставалось никаких сомнений, что замеченный мною камень и был алтарем.

На верхней, обращенной к своду пещеры, поверхности камня были нанесены старые, полустершиеся символы, а по краю пролегла небольшая бороздка, уходящая вниз – к месту, где стояла чаша.

«Сток для крови», – внезапно поняла я.

Обмирая от страха, я заглянула за камень в провал. Там, далеко-далеко внизу, пенилось море. Ужас переполнял все мое тело, струился потом по спине и лицу, проникал в каждый пальчик, в каждую клеточку.

Я с трудом отвела взгляд от бурлящей бездны и почувствовала, что богиня смотрит мне прямо в глаза.

– Я ожидала тебя.

В мелодичном хрустальном голосе не слышалось ничего человеческого. Только сталкивались с тонким серебряным

звоном крохотные искристые льдинки. Лицо незнакомки было очень бледным и почти прозрачным, а кожа испускала неяркое матовое сияние. Темно-синие глаза цвета ночного неба глядели не мигая.

Она была красивая, нечеловечески красивая и очень чужая.

Я догадывалась, кого именно вижу перед собой, однако сделала удивленное лицо.

Богиня рассмеялась – целый водопад серебряных льдинок.

– Ты обещана мне. Глупо пытаться спрятаться от своей судьбы, – произнесли бледные губы, безупречности линий которых позавидовала бы любая земная красавица.

– Я не глупый баран, чтобы идти напрямиком под нож мясника, – ответила я, нахмурившись.

В этом странном месте мы будто повисли где-то в пространстве между небом и землей. Вокруг пустота. Даже не знаю, как объяснить. Казалось, кроме нее и меня, в этом мире ничего не было – ни единого предмета, ни пылинки – ничего. Очень тусклый и скучный мир. Очень холодный.

– Однако ты пришла, – возразила богиня. – Я позвала тебя – и ты пришла.

Кажется, я и вправду сглупила, попавшись в расставленные сети. Но теперь поздно жалеть об ошибках, нужно думать, как выкрутиться.

– Тебе не удастся уйти, – прозвенел холодный голос. Она

без труда читала мои мысли. – И ты, желаешь этого или нет, послужишь мне и моему народу.

Она была отвратительна. Хуже извивающихся змей! Хуже скорпионов! В тысячу раз хуже!

Богиня рассмеялась.

– А ты необычная девочка. Довольно храбрая – по вашим, человеческим меркам. Может, я и вправду найду тебе лучшее применение? Что бы ты сказала, если бы я дала тебе свою силу? – она посмотрела на меня, но в прекрасных глазах не было ни тени любопытства, только равнодушие и холод.

Я стояла в полушаге от нее – совсем близко. Она изучала меня, словно бабочку под микроскопом, так равнодушно, будто делала привычную работу. Я молчала. Зачем разговаривать, если она и без того знает каждое движение моей души? И к тому же я не верила ей, не хотела служить ей и быть такой же, как она.

От нее веяло космическим холодом. Такого холода не бывает даже самой студеной зимой. Это истинный, первозданный холод, вцепляющийся в вас и промораживающий насквозь – до самого сердца.

Я закрыла глаза, чтобы не смотреть на нее. В бледном лице и ночных глазах таилась смерть – равнодушная, беспощадная. Однако какая честь мне оказана! Интересно, все ритуальные бараны напоследок удостаиваются разговора?..

– Мне скучно, – объяснила она, – а ты меня забавляешь.

Пока мы с тобой говорим, слуги уже приготовились к ритуалу. Сегодня будет славная ночь, не правда ли? Ну все, просыпайся! Они не начнут без тебя, ведь ты – главное блюдо на пиршественном столе!

Я вздрогнула и пришла в себя. Все тело болело. С удивлением я обнаружила, что, связанная, лежу на ледяном полу, а через проем в стене на меня смотрит круглая холодная луна. Оглядевшись, насколько это было возможно, я поняла, что нахожусь в небольшой пещерке, скорее всего, она представляет собой нечто вроде ниши. Рядом со мной валялся знакомый браслет. Точно такой же, как у меня, только с литерой «N» – первой буквой маминого имени. Что-то случилось. Наверное, нас схватили в то время, пока мы были в пещере, в святилище... Но тогда было утро, а сейчас, судя по всему, уже ночь! Неужели тот разговор, что привиделся мне, продолжался целый день – до самого восхода луны?.. Такое ощущение, что мы попались в ловушку, как мыши, пришедшие на запах сыра. Что же с нами теперь будет?

Я попыталась извернуться, чтобы добраться до браслета. Почему-то оставлять его здесь казалось неправильным – примерно так же, как если бы я бросила в беде друга. Сантиметр за сантиметром я ползла, извиваясь, как большой слепой червяк. Голова кружилась. Что с нами сделали? Еще одно усилие, и мне удалось дотянуться до браслета. Я сжала его в слабых, едва повинующихся пальцах. Руки туго стяну-

ты веревкой. Я не смогу сопротивляться, когда ТЕ придут за мной. Нет, надо посмотреть правде в глаза: я не смогла бы одолеть ИХ, даже если бы меня не связали. Они – взрослые, я – тощий неуклюжий подросток.

И еще. Их много. Этих безумных фанатиков целый город!

В глазах защипало. Это были слезы отчаяния и злости. ОНИ откормили меня, связали и... праздничный стол уже ждет. Луна паялилась с неприкрытым торжеством. Ну ничего, я постараюсь продать свою жизнь как можно дороже.

– Ну вот, девочка, время и пришло, – услышала я за спиной знакомый голос, и надо мной наклонилась огромная, как гора, фигура.

Белый балахон сделал фигуру Нинель Ивановны невероятно объемной. Я с ужасом взглянула в добродушное круглое лицо, и его спокойствие еще больше меня испугало.

Нинель Ивановна не волновалась, не находя в готовящемся действе НИЧЕГО ОСОБЕННОГО. Ну подумаешь, как говорят: жила-была девочка, сама виновата...

– Так надо, – объяснила Нинель Ивановна, перехватив мой взгляд. – Ничего личного. Ты хорошая девочка.

Она попыталась протереть губкой, удушливо пахнувшей какими-то травами, мое лицо, но я не далась и зубами вцепилась в студенистую мягкую руку.

Нинель Ивановна вскрикнула и выронила губку.

– Что случилось? – тут же послышался незнакомый голос.

– Она кусается! – хозяйка вырвала руку и ударила меня.

По ее ладони стекла струйка крови. – Бешеная, честное слово!

Шаги слышались уже рядом, появилось второе лицо. Я вспомнила, что уже видела эту женщину в городе. Как и Нинель Ивановна, она была облачена в белый балахон.

...Одним прыжком я вскакиваю на ноги, бью новопривыкшую головой под дых, затем оборачиваюсь к остолбеневшей от неожиданности хозяйке, расправляюсь с ней и, нарядившись в один из белых балахонов и глубоко надвинув на голову капюшон, спасаю родителей и Сашку...

...Финальные кадры. Конец фильма...

...Однако это всего лишь мечта. Реальность выглядела иначе: вставленная в рот толстая палка, так туго закрепленная веревкой, что челюсть свело от острой боли.

Обе женщины в полном молчании раздели меня, протерли тело и лицо губкой и облачили в широченную белую рубашку, расшитую серебряными лунами.

– Ну вот, девочка, ты и готова, – объявила Нинель Ивановна голосом, в котором мне слышалось скрытое удовольствие: мол, отольются тебе теткин слезки.

Достойно ответить ей я не могла. Собственно, я не могла ответить вообще. Наверное, мне даже польстило, что они переоценили мои силы. Сделать хоть что-нибудь было невыносимо. Оставалось только покрепче сжимать мамин браслет. Пульс гулом стучал в висках. Возможно, все мое тело содрогалось в такт ему.

Вторая тетка поправила мои волосы, и обе, подхватив меня за руки, потащили в святилище.

Я не сразу узнала помещение. Ночью оно казалось другим. Наверное, в этом виновата полная луна. Искусственного освещения здесь не было: ее света оказалось достаточно. Было видно всё – до самой распоследней трещинки на полу пещеры. Символы на алтаре светились холодным серебристым светом.

Посреди зала стояла старуха, Сашкина бабушка. Ее фигура казалась целиком окутана серебряным маревом. Длинные, расшитые серебром одежды, серебряно-седые распущенные волосы... даже глаза сияли ярким серебряным светом.

За старухой застыли в почтительных позах еще с десятков человеческих фигур. На них белые балахоны с капюшонами, низко надвинутыми на голову, лица полностью скрыты.

«А хорошо бы, – промелькнула в голове мысль, – чтобы, как в фильме, под одним из этих капюшонов оказалось знакомое лицо. Пусть я не буду главной героиней. Пусть я буду глупой блондинкой, которую спасает герой...»

– Все готово, сестры. Приступаем, – проговорила старуха сухим трескучим голосом.

Вот сейчас одна из белых фигур откинёт с лица капюшон...

Те, кто стояли за спиной старухи, откинули капюшоны...
Мама?!

Честно говоря, я ожидала, что это будет папа или Сашка. Ну ничего, мама тоже справится. Не зря же у нее железный характер. Вот она им сейчас покажет...

Но мама безмолвно стояла среди прочих женщин, лицо ее походило на застывшую маску, а на лбу, как я разглядела, серебряной краской был нарисован круг, символизирующий полную луну.

Тогда-то мне и стало по-настоящему страшно.

– Сегодня, – снова заговорила старуха, – значимая ночь для всего нашего рода. Наша Великая Мать получит то, что ей обещано, а в наших рядах станет на одну сестру больше. Подойди, дитя.

Мама, склонив голову, приблизилась к старухе.

Этого просто не может быть! Все это – не на самом деле!

– Сестра, – проскрипел старческий голос, – знай, что ты избрана. Великая Мать даст тебе счастье послужить вместилищем будущего сосуда Ее благодати. После церемонии на тебя падет ее милость, и ты родишь ребенка, девочку, которая станет носителем бессмертной души хранительницы рода. Моей души.

Мама опустилась перед старухой на колени, и та надела на ее шею какой-то амулет.

Я обмякла в руках своих сторожей. Что же произошло, пока я была без сознания? Моих родителей схватили, одурманили, заколдовали и теперь заставляют служить жестокой, безжалостной богине с хрустальным голосом и холодным

сердцем?..

Луна смотрела на меня с насмешливым торжеством: ну что скажешь теперь, глупая девчонка?.. Что скажешь в свой последний час?..

Мир плыл перед глазами. Сказать мне было совершенно нечего. У меня не оставалось сил, чтобы сопротивляться, – жажда жизни утекала из меня, как вода из разбитого сосуда. Мой мир был разбит на кусочки, его уже никогда не склеить. Мамин браслет выпал из разом ослабевшей руки и покатился по полу. Я следила за ним бессмысленным взглядом.

Оставалась одна-единственная надежда, что Сашка все-таки спасся, сумел сбежать и поможет нам...

Наверное, старуха опять прочитала мои мысли, потому что подошла ко мне и взглянула сумасшедшими глазами прямо в лицо.

– Мой внук молодец. Он ловко обманул вас, ведь правда? Мы опасались, что вы о чем-нибудь догадаетесь, поэтому у нас был запасной вариант. Саша. Его задачей было войти к тебе в доверие и в нужный момент привести вас всех сюда, прямиком к нам в руки.

Надежды не осталось. Бледная луна торжествующе смеялась надо мной: глупая девчонка! Глупая маленькая мечтательница!

– Развяжите ее, – велела старуха своим помощникам. – Теперь можно.

Они развязали меня и вынули изо рта кляп. И вправду

можно. Всякая мысль о сопротивлении исчезла из моего сознания. Поскорей бы все это закончилось. Не важно, что будет, лишь бы поскорей...

Старуха взяла меня за руку и повела к алтарю, а женщины в белом – и среди них моя мама! – что-то монотонно запели. Эту мелодию, или нечто очень похожее на нее, я слышала прошлой ночью. Она качала меня словно на волнах, в груди было пусто и удивительно спокойно. Наверное, я уже умерла. Остались пустяки – только формальности.

Символы на алтаре вспыхнули ярко-алым и закружились перед глазами в бесконечном хороводе. Я чувствовала, что время остановилось, и сама легла на леденящую поверхность камня. Он был холоден как лед, нет, гораздо холоднее льда. Холод заполнял меня, проникая в кровь, расплзался по всему телу. Я закрыла глаза, укачиваемая на волнах монотонной мелодии.

– Сопровствляйся! Не дай ей запугать тебя! Беги! – прорвался вдруг сквозь пение звонкий мальчишеский голос.

Я вздрогнула и открыла глаза. Старуха стояла надо мной с большим ножом в руках, и ее глаза горели нетерпением.

– Пес! Вперед! Взять ее! Беги, Ира! – снова закричал Сашка.

Я скатилась с алтаря, сильно оцарапав обо что-то ногу. Впрочем, что там нога – речь шла о моей жизни!

Старуха, не выпуская из рук нож, бросилась за мной. Но тут ее настигла огромная косматая туша. Верный Сашкин

друг, Пес наскочил на старуху, та отступила, и они вместе, вдвоем, рухнули вниз – в провал, где кипело и бесновалось море.

Старуха закричала. Так отчаянно и громко, что я невольно зажала уши – лишь бы не слышать этого ужасного вопля.

И в тот момент, когда ее крик достиг немыслимых высот и внезапно оборвался, на меня словно обрушилась вся боль и усталость последних дней. Она давила, пригибая к земле, вонзалась в тело тысячью отравленных стрел. Согнувшись от невыносимой боли, я хватала ртом воздух, который вдруг превратился в расплавленный тугой металл. Перед глазами потемнело, и я упала на алтарь, не чувствуя уже больше ничего.

Глава 8

И было утро...

Женский плач...

– Ира! Ира! Ну пожалуйста, пусть только она придет в себя!

Кто-то тормошил меня, растирал виски и уши.

Я открыла глаза. Медленно, словно они были засыпаны песком. Резкий свет солнца ударил прямо по глазам, и я снова сомкнула их. Солнце – мой враг. Я знала это.

– Иришка! Ну что же с тобой! – воскликнул рядом со мной мужской голос. Папин голос.

– Я уже... мне уже... лучше... – прохрипела я. Голосовые связки почти не подчинялись мне. Чтобы говорить, приходилось делать огромное усилие.

– Ирочка! Мы так волновались!

К щеке прикоснулось что-то мокрое. Это мамино лицо, холодное от слез.

Все в порядке. Теперь все будет в порядке.

– Мы уедем отсюда! Сейчас же, и больше никогда не увидим этих ужасных людей! – вздохнула мама.

Я немного приоткрыла глаза. Абрис полной луны на ее лбу смазался, но еще был различим.

– Что случилось? – пробормотала я, уже догадавшись, что жертвоприношение прошло не так, как планировалось. Но,

разумеется, все получилось даже лучше...

– Не знаю, мы с папой ничего не помним. Мы пришли в ту пещеру... святилище... А дальше не знаю... Потом... потом, когда очнулись, люди бежали оттуда, а на мне была странная белая одежда и на шее висела какая-то гадкая штука. Я выбросила ее в море. Тут меня и отыскал твой папа, и еще мы увидели тебя. Тебя принес Саша. Ты была без сознания, – сбивчиво принялась объяснять мама. – Не знаю, что это было, но, слава богу, все закончилось! Мы уедем отсюда, и все снова станет хорошо.

Я кивнула.

– А сюда, – мстительно добавил папа, – приедут компетентные люди. Уж они-то наведут порядок! Готов поспорить. На его лбу тоже была нарисована луна.

Я тихо вздохнула, будто учась дышать заново. Хорошо, что они сейчас заслонили меня от солнца. Мне нужно немного побыть в тени.

– И Саша поедет с нами. Он спас тебя и всех нас. Знаешь, ты была права – он действительно хороший мальчик, – сказала мама, и только теперь я заметила Сашку, стоящего чуть поодаль. Он ободряюще улыбнулся мне.

Я тоже попыталась улыбнуться в ответ, но губы, кажется, так и не сложились в улыбку.

– Пойдемте отсюда. Я понесу Иришку, – сказал папа и поднял меня на руки.

Сейчас мой взгляд словно прояснился. Я видела медленно

кружащего в облаках орла, и огромное море, бережно обнимающее скалы, и маленький городок, примостившийся как раз между горами, небом и морем. И в этот момент меня охватила необыкновенная нежность. Она была всегда – в моей душе, в моем сердце, но сейчас буквально выплескивалась наружу. Она стала такой большой, что телесной оболочки не хватало для того, чтобы удержать ее.

Теперь все будет хорошо. Теперь я знаю, что мне нужно делать. Эти люди блуждают во тьме, словно слепые жалкие котятка. Но я еще вернусь в этот город на самом краю огромного мира. Я спасу их и приведу к свету. Теперь я знаю...

Мы спустились со скалы, не встретив никого. Город затих. Молчали даже собаки, чувствуя, должно быть, повисшее над ним ожидание.

Вот и наше временное пристанище. Мама распахнула калитку, и мы через вишневый сад, не останавливаясь, прошли к домику.

Папа внес меня в комнату и уложил на диван.

– Тебе лучше? – заботливо спросила мама.

Я кивнула.

Они и сами выглядели неважно. Оба бледные, с покрасневшими глазами. Сутки действительно выдались тяжелыми. Особенно ночь.

Я приподнялась и тяжело оперлась на спинку дивана. Тепло еще плохо повиновалось, а в голове была необычайная

легкость.

Мама и папа собирали сумки.

– Вот, возьми, – отчего-то виновато сказала мама, подавая мне несколько книг в ярких глянцевых обложках.

Я открыла одну из них там, где в нее была вложена закладка – глупо ухмыляющееся сердечко. Какое же оно яркое! Цвет неприятно раздражал глаза, и я, вынув открытку, бросила ее на пол. Маленький кусочек картона медленно спикировал вниз. Прекрасно, будет привет для хозяйки дома. Нинель Ивановна любит яркие вещи.

Я с грустью посмотрела на сумки. Пора в дорогу. Но перед отъездом у меня было еще одно дело...

– Ира, ты куда? – окликнула меня мама, застыв посреди комнаты с вещами в руках.

– Я ненадолго. Попрощаюсь только, – сказала я, выходя из домика.

За моей спиной царило удивленное молчание.

Путь до обрыва оказался неожиданно коротким. И вправду, расстояния – вещь относительная. И когда я успела забыть? Привыкаешь, ко всему привыкаешь, и в какой-то неуловимый момент оказываешься вдруг накрепко заперт в своей телесной оболочке, вырастая, успеваешь забыть, что когда-то в детстве, давным-давно, умел летать. Сколько же всего я не замечала в последнее время?!

Подойдя к краю обрыва, я остановилась. Любимое место Сашки. И не зря – здесь и вправду есть сила. Я чувствую, как

она густым медом разлита в воздухе. Она проникает в меня, вместе с кислородом растекаясь по всему телу.

У ног плескалось море. Древнее море, скрывающее в своих глубинах затонувшие корабли, сокровища, чудовищ... Сегодня оно пело только для меня, провожая меня в дальнюю дорогу.

– Я еще вернусь, и все будет хорошо, – пообещала я ему, и море плеснуло мне в лицо соленые брызги.

С неба уже давным-давно исчезла луна – закрыла свое белое лицо густой чадрой, однако я ясно ощущала ее присутствие. Теперь она будет со мной, где бы я ни находилась...

Звук шагов за моей спиной почти полностью потонул в плеске волн, однако мне не нужно было оборачиваться, чтобы узнать, кто это.

– Ира! Я искал тебя, – тихо произнес Сашка. – Как ты себя чувствуешь?

– Спасибо, хорошо, – ответила я, по-прежнему глядя на море.

– Я хотел объяснить тебе, – зачастил он. – Бабушка сказала, будто я предал вас. Но это не так. Они выследили нас и схватили меня. Я... отвлекся и не заметил, как они подошли. Иначе я бы справился с ними. Честно-честно! Ты мне веришь? – И, не дожидаясь ответа, тут же продолжил: – Я не знаю, что бабка сотворила с твоими родителями. Иногда она проделывает невероятные вещи и заставляет людей подчиняться своей воле. Знаешь, если честно, я не уверен, что она

погибла... Помнишь, я рассказывал, что душа Хранительницы может переселяться в другие тела...

Он говорил что-то еще. Но я смотрела на море и на небо и пыталась впитать их в себя, чтобы они оставались со мной долгие годы на чужбине. Для того чтобы вернуться, нужно уехать...

– ...ты очень смелая девчонка. Я даже не знал, что такие бывают на самом деле, не в романах!.. – долетали до меня обрывки фраз.

У него есть способности, я почувствовала это сразу. Однако даже не подозревала, что дар так силен... Та собака в пещере... Все то, что я пережила сегодняшней ночью, вспоминалось смутно. Сознание двоилось... Это он позвал Пса и скомандовал ему напасть на старуху. Он очень сильный мальчик. Неудивительно, что прошлая жрица решила оставить его у себя, когда много лун назад кровь его родителей обагрила священный алтарь богини. Нужно принять какое-то решение. И срочно, прямо сейчас. Это не слишком мне нравилось, и потом, в будущем Саша мог бы еще пригодиться... Но нет. Нельзя рисковать, а он слишком своеволен. Другого выхода нет. Я нахмурилась.

– Ира! Что с тобой? – крикнул Сашка мне в спину.

Я медленно обернулась и взглянула ему прямо в глаза.

Он побледнел, несмотря на свой загар. А затем отступил на шаг и произнес лишь одно слово. Так тихо, что я не слышала бы его, если бы не знала точно, что именно он ска-

зал. Его губы двигались бесшумно – как в черно-белом кино.
Всего три слога – «Ба-буш-ка»...

Город оживших снов

Глава 1

Чемоданное настроение

– Свитер взяла? А теплые колготки?

Я поспешила закрыть сумку, чтобы не было заметно, что там сплошь легкие кофточки. Мама думает, что если зима, то нужно носить страшные теплые вещи. Ненавижу свитера, потому что кажусь себе в них толстой и неуклюжей. А мама не понимает, как будто сама была молодой не меньше чем сто лет назад, и уже не помнит, каково это – быть шестнадцатилетней.

– Марина! Я тебя спрашиваю!

– Да, мам, взяла, конечно! – крикнула я, застегнув последнюю молнию.

Хорошо, если обойдется без досмотра. Таможенники всего мира спасовали бы перед моей мамой. Год назад я начинала курить. Даже не начинала, а так, баловалась. Чтобы компанию поддержать. А что такого – мальчишки почти все давным-давно курят. Так мама ухитрилась обнаружить единственную завалявшуюся в кармане куртки сигарету и подняла такой скандал, что просто туши свет. Пришлось тогда ска-

зять, что сигарета Мишкина, и поклясться, что не буду курить как минимум до окончания одиннадцатого класса. На самом деле я даже не соврала. Сигареты действительно были Мишкины, просто он угостил меня, а я с тех пор и вправду не курю и ничуть не жалею, так как действительно не понимаю прелести вдыхания дурно пахнущего дыма, от которого першит и сушит горло.

Но все это – к слову. На самом деле речь совершенно о другом. А именно о Рождестве и новогоднем празднике.

В нашей школе каждый год два старших класса отмечают Новый год где-нибудь за границей. В прошлом ездили в Прагу, в этом году наш десятый попадет в Ригу. На целую неделю, потому что в программу войдет все праздничное время от католического Рождества до Нового года, то есть с 24 декабря по 1 января. Нас даже от занятий ради этого освободили. Разумеется, при условии, что с учебой все нормально. У меня, к счастью, в порядке. Была, правда, случайная пара по физике, но учительница, конечно, не стала портить общую картину и, помучив немного, исправила двойку на четверку и вывела четверку за полугодие.

Я очень волновалась перед поездкой, хотя это уже второе школьное путешествие, в которое меня отпустили. Первое было этим же летом, когда мы ездили в Карелию. Жили в палатках, купались в озере и даже сплавливались по порожиистой речке. Очень здорово и романтично, особенно вечерние костры и песни под гитару. Тогда некоторые наши парни

вдруг раскрылись с незнакомой стороны. Например, Юрка. Ему удивительно идет гитара и мягкий свет костра, зажженного скорее от желания романтики, чем по необходимости, – в июле в Карелии удивительно светлые ночи. Уже полночь, а видно как днем. Тогда Юрку заметила не только я, но и Наташа – моя лучшая подруга. С ней-то мы неразлучны с самого первого класса. Эта дружба получилась совершенно случайно – мы обе недавно переехали в новый район и не знали никого в школе, а поэтому растерялись. Учительница посадила нас за одну парту. Так и подружились. А сейчас я со страхом думаю, что случилось бы, если бы нас вдруг рассадили по-другому? Не представляю себя без Наташки. Когда мы с ней с кем-нибудь знакомимся, то частенько даже представляемся сестрами, и нам верят, хотя внешне мы не похожи: она – темноглазая шатенка с легкой рыжиной в волосах, я – зеленоглазая, очень светлая блондинка.

Дороже Наташки у меня нет никого. Мы с ней везде ходили вдвоем. До той самой поездки в Карелию. Теперь нас трое.

Вот уже полгода Наташка и Юрка вместе. А я при них третьей лишней. Разумеется, Наташка меня не гонит, хотя я частенько ощущаю себя непонятым и ненужным придатком. Наташка вообще добрая. Она всегда зовет меня, когда они собираются в кино или, скажем, в парк Горького. И я по малодушию частенько соглашаюсь, хотя сама же страдаю. Если хорошенько подумать, то видеть, как Юрка обнимает Наташ-

ку за талию, кормит из ложечки мороженым и целует – удовольствие небольшое. Наташка отталкивает его, притворно сердится, но, когда считает, что я не обращаю внимания, с удовольствием льнет к нему.

Мне от ее жалости только горше. Но что делать – сама нарываюсь. Вот кто тянул меня за язык, когда я соглашалась на поездку в Ригу? Теперь, так и чувствую, испорчу им праздник. Над нами уже в классе смеются и святой троицей называют... Сидела бы уж лучше с родителями дома...

– Марина, и запомни, ты будешь в чужой стране, поэтому особенно следи за своим поведением, – заглянувшая в комнату мама отвлекла меня от тягостных раздумий. – Не отставай от группы, не оставляй без присмотра вещи и деньги. И еще не забывай, о чем мы с тобой договаривались.

Это она о курении. Целый год прошел, а ведь помнит.

– И не ввязывайся ни в какие авантюры, – добавила она.

– Хорошо, мам. Ты не волнуйся, – я отвернулась, чтобы скрыть выступившие на глазах слезы. Какие там авантюры – так и стану ходить за классной как привязанная все то время, когда не буду досаждать Наташке и Юрке, таскаясь за ними и мешая целоваться в самых романтичных местах города.

– Как же не волноваться? Ты у меня еще глупенькая, – мама потрепала меня по волосам. – Даже завидую тебе. Старая Рига – сказочный город. Все эти черепичные крыши, узкие мощеные улочки, флюгеры... Я видела Ригу давным-давно, еще до твоего рождения. Знаешь, именно там мы и познако-

мились с твоим папой. Мы оба были тогда совсем молодые и сумасшедшие!..

Мама задумчиво вздохнула, присаживаясь на мою кровать, и лицо ее от прекрасных воспоминаний будто озарилось внутренним светом.

– И что, тогда папа не пропадал целыми днями на работе? – с подозрением спросила я. Историю про Ригу я уже слышала, но все равно с трудом могла представить своих родителей молодыми и беззаботными.

– Что ты! – Мама положила подбородок на скрещенные руки и мечтательно подняла глаза к потолку. – Тогда мы оба были студентами, в Ригу приехали отдохнуть. Твой папа был душой компании, и я влюбилась в него сразу же, как только увидела. Я с первого же взгляда поняла, что мы всю жизнь проживем вместе. Он был таким романтичным! Мы много гуляли по старым улицам, держась за руки, бесконечно целовались... – Мама снова вздохнула. – Впрочем, тебе об этом думать еще рано, – опомнилась она. – Но Рига тебе непременно понравится! Даже не сомневайся! Жаль только, мы с папой будем скучать...

– А хочешь, я останусь? – вдруг предложила я, отставляя в сторону дорожную сумку. – Мне на самом деле не так уж и хочется.

Разумеется, я лукавила, испытывая скорее сложные чувства: то мне казалось, что я умру от тоски и ревности, если останусь дома, то понимала, что это случится, как раз если

я поеду.

– Не выдумывай, Марина! – рассердилась мама. От былого романтического настроения не осталось ни следа. – Ты же видишь, что отец целыми днями на работе, деньги достаются ему нелегко, чтобы транжирить их просто так и оплачивать поездку, которая даже не состоится!

Ну вот, как всегда. Мама только и думает, что о деньгах, приличиях и прочей чуши, считая это главным в жизни. Никогда не стану такой! Если у меня будет ребенок (что навряд ли, потому, что, наверное, я умру в одиночестве старой де-вой), я не стану сводить все проблемы к простым и материальным, а постараюсь разговаривать с ним как с равным. Это вовсе не сложно.

– Не волнуйся, мам, я пошутила, – ответила я, обращаясь к ней. Слезы на глазах уже высохли.

– Глупые у тебя шутки! – Мама и не думала успокаиваться, мои слова будто рассердили ее еще сильнее, и она, обиженно хлопнув дверью, ушла на кухню.

А я легла на кровать и уткнулась носом в подушку. Если в жизни и был какой-то смысл, он все время ускользал от меня.

– Тебя к телефону! – как ни в чем не бывало заглянула в комнату мама.

Я поднялась на локте и неохотно взяла трубку.

– Привет, Маринка! – послышался веселый Наташкин го-

лос. – Ты как, подруга, уже собралась?

– В процессе, – сообщила я.

– А что так мрачно?

Сама Наташа так и излучала радость. Еще бы – это будет самый прекрасный Новый год в ее жизни: зимняя Рига, любимый человек рядом – что еще нужно! Она и представить не может, что кто-то чувствует по-другому.

– Да ничего. С мамой немного поссорилась, – ответила я – не признаваться же подруге в истинной причине расстройств. В моем голосе искренности было не много, но Наташка, как все счастливые люди, оставалась слепой и глухой.

– Ну это у вас всегда! – засмеялась она. – А я уже подарки купила. И тебе, и Юре. Про свой и не спрашивай, все равно не скажу. А ему – туалетную воду. «Адидас». Очень миленькая.

Я тоже купила Юрке в подарок туалетную воду. «1881» от Черутти. Выбирала, наверное, целый час. Перенюхала весь ассортимент «Л'Этуаль», и этот запах – с легким-легким оттенком дыма – показался мне необыкновенным.

– Отличный подарок. Ему наверняка понравится, – ответила я, расстегнула кармашек сумки и выложила подарок. Действительно, дурацкая идея. Пусть Юрке его девушка туалетную воду дарит. Два парфюма – явный перебор.

Мы еще немного поболтали с Наташкой, и я, сославшись на массу дел перед отъездом, попрощалась с ней.

Глава 2

Ангел Рождества

Ну вот, наконец позади суматоха проводов, полный перрон родителей, дающих последние наставления своим чадам, классная – Галина Дмитриевна, носящаяся от одного к другому и постоянно пересчитывающая нас. Подумаешь, высшая математика – четырнадцать человек.

И вот я уже машу из вагона. Поезд разгоняется, стучат колеса, и родители остаются далеко позади. Мы сидим в купе. В нашем отделении, кроме нас четверых – меня, Наташки, Юрки и Юркиного друга Мишки, того самого, который угощал меня сигаретами, – набилось еще пятеро. Большая часть всех поехавших. Мишка рассказывает анекдоты, все смеются и болтают, перебивая друг друга. Альтернативная компания завидует нам. С их стороны – напряженная тишина, прерываемая отдельными репликами.

Я сижу во втором ряду, у самой стенки. Рядом – Наташка, прильнувшая к Юркиному плечу. Они тоже смеются. Он не болтает так много, как другие мальчишки, выпендривающиеся перед девчонками. Ему не нужно – стоит только запеть, и внимание гарантировано. Но Юрка вообще не интересуется другими девчонками. Он смотрит только на Наташку. Она сказала, он признался, что добивался ее внимания аж с третьего класса, и теперь, глядя на них, я в это верю. Кстати,

делал он это так ненавязчиво, что ни я, ни Наташка толком не догадывались ни о чем до самой Карелии.

Там, после первого вечера у костра, Наташка сама подошла к Юрке.

– Здорово поешь, – сказала она небрежно и улыбнулась.

Я наблюдала за ними, прижимаясь щекой к шершавому, остро пахнущему смолой и хвоей стволу сосны, и видела, как Юркино лицо вспыхнуло от радости – как будто внутри вдруг включили лампочку ватт на триста. Уже тогда я прекрасно поняла, что мне ничего не светит.

Только не думайте, будто я такая дрянь, что стала бы отбивать у лучшей подруги парня. Наташкин друг – это святое. Я не стала бы с ним даже разговаривать, если бы он вдруг решил переметнуться ко мне, но все равно как-то беспокойно и больно. Может, я и дрянь.

– Эй, Маринка, чего такая смурная? Нам ли быть в печали?! – орет Мишка, обнимая меня за плечи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.